

СЕРГЕЙ
ЗВЕРЕВ

РОЖДЕННЫЙ ВОРОМ

КОРОЛЬ
на именинах

Рожденный вóром

Сергей Зверев

Король на именинах

«ЭКСМО»

2004

Зверев С. И.

Король на именинах / С. И. Зверев — «Эксмо»,
2004 — (Рожденный вором)

Дни всемогущего Монгола, хранителя воровского общака, сочтены. В новые короли воровского сообщества он прочит Карла, не последнего в криминале человека. Но с этим не согласен рвущийся к власти авторитет-беспредельщик Крематорий. Он подставляет Карла на целый кейс с баксами, который Карл взял в долг из общака. Если Карл не вернет деньги в срок, то не только не станет преемником Монгола, ему просто отрежут голову. Что ж, опытный карманник-виртуоз Карл решает потряхнуть стариной, кое-какие фокусы ему всегда удавались с блеском. Посмотрим, кто настоящий король, а кто дешевый крысятник.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	27
Глава 4	40
Глава 5	48
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Сергей Зверев

Король на именинах

Глава 1

Бутырская тюрьма никогда не пользовалась среди народа хорошей славой. Ни в девятнадцатом веке, когда она еще называлась Московским губернским тюремным замком, ни потом, когда стала центральной пересыльной тюрьмой дореволюционной России, ни в советское время. По сегодняшний день Бутырка справедливо имеет репутацию одного из самых беспредельных следственных изоляторов Российской Федерации. Скоро уже двести лет, как Бутырская тюрьма собирает под сводами тех, кто не в ладу с законом. Только люди, никогда не переступавшие ее порог, могут восхищаться вслух архитектурными достоинствами одного из обветшавших творений знаменитого архитектора Матвея Казакова. Это здание лучше рассматривать снаружи, а не изнутри.

Для сорокалетнего Андрея Кувалова с погонялом Кувадла это была уже третья ходка, а потому и чувствовал он себя в СИЗО привычно и уверенно. Не вскакивал при малейшем шуме в коридоре, не суетился, не строил несбыточных планов. В тюрьме что главное? Уметь ждать. Как ни торопи время, оно все равно по капельке капает – быстрее не пойдет. Взяли его по глупости, с поличным, тут не отвертишься.

Промышлял он квартирными кражами. Всегда брал только деньги. Рыжем-ювелиркой и шмотками не увлекался. Дензнаки, они все одинаковые, пойдя докажи, что это краденые купюры, а вот кольцо-гайку, сережки или шубу хозяева всегда признают. Поставил квартиру Кувадла чисто. Какой бы замок хитроумный инженеры ни придумали, а все равно, против фирменной дрели с алмазным сверлом ему не устоять. Места, где люди деньги на черный день хранят, Кувалов нюхом чуял. Стоило ему только на обстановку глянуть, то сразу понимал, чем хозяева дышат. Если мебелишка так себе, без позолоты и наворотов, то деньги скорее всего вместе с документами где-нибудь в серванте в обувной коробке лежат, в конверт почтовый запакованные. Найти их – пять минут понадобится. Если же роскошь напояз, ищи деньги в укромном месте: за книжками, за видеокассетами или в платяном шкафу в пакете со всякими рваными носками или в туалете в вентиляции.

В тот раз деньги, и немалые – почти пять тысяч долларов, отыскались в морозилке холодильника в пачке из-под пельменей. И все бы ничего, если бы Кувадла ушел сразу, как деньги взял. Но приглянулась ему побрякушка в стеллаже – футбольный мяч с автографами его любимой команды «Спартак». Дрель с аккумулятором, как всегда, в портфель положил, а мяч-то не сдуешь. Бросил его в пакет, который на кухне подобрал. А когда из квартиры выходил, то с соседкой нос к носу столкнулся. Буркнул: «Добрый день» – и в лифт. Сразу ему старушка не понравилась. Любопытная, сухонькая, нос острый. Такой нос в любую щель залезет. До первого этажа он и не доехал, лифт остановился. Думал сперва, просто так, сломалось что-то. Но когда створки дверей открылись, то увидел Кувадла на площадке ментов с автоматами. Старушка-то ушлой была, мяч с пакете мигом распознала, и не 02 позвонила, а сразу соседу с верхнего этажа, тот оперативником работал. Он и лифт отключил, и ментов вызвонил. К своему они мигом приехали. Вот так и загремел осторожный Кувадла, светила ему сто пятьдесят шестая статья пункт «В». А значит, и срок от двух до шести. Тут уж как адвокат постарается.

Денег на хорошего адвоката у Кувадлы не было, потому и получить срок по минимуму он не рассчитывал. Вот уже месяц шел, как следак его в Бутырке мурыжил – оперу спешить некуда. Но и Кувадла уже научился жить так, чтобы о времени не думать. А поскольку был он блатным со стажем, то братва его поставила смотрящим по хате. Своего адвоката, которого

Кувадле бесплатно предоставили, он два раза всего и видел. Сразу понял, что толку от него никакого. Говорит, а сам в это время о чем-то другом думает. И мешки под глазами синие, как у всякого, кто выпить лишнее любит.

В наполненной не выше тюремного норматива камере шла обычная жизнь, каждый из подследственных коротал время, как умел. Кто резался в «стирки» – карты, благоразумно отгородившись на шконке занавесочкой, кто играл в нарды, в это время одновременно работали два телевизора. По одному шел футбольный матч. Но после того как из-за мяча Кувадла и загремел на нары, о футболе ему и думать не хотелось. На экране второго телевизора гордо вышагивали манекенщицы, демонстрируя высокую французскую моду. Нормальный мужик по своему желанию такое на «вольняшке» смотреть не станет, разве что за компанию с женой. И то, если сильно попросит. Но тюрьма – другое дело. Мужчины, не видевшие живых женщин кто по месяцу, а кто и по полгода, тарасились на экран, пускали слюни и, конечно же, взхлеб комментировали, что бы они с такими телками вытворяли, доведись им чудом перенестись за тюремные стены.

– У меня такая же в Саратове осталась, – зычно проговорил худосочный первоход в круглых очках-велосипедах, – один в один. Ноги от ушей, а волосы, как солома желтые и длинные, до самой задницы. И глаза голубые. – Он жадно затянулся плохонькой сигареткой.

Короткий окуроч сжимал между двух спичек, чтобы выкурить до последнего. Затянулся и тут же закашлялся.

– Если ноги от ушей, то и задница у нее вместо головы, – пробасил один из зрителей – любителей высокой моды.

– Пошел ты... – очки-велосипеды блеснули.

– Куда? – тут же зло прозвучал вопрос.

Мгновенно воцарилась тишина. Все ждали, что же ответит очкарик. Даже картежники выглянули из-за занавески. В тюрьме надо строго следить за тем, что говоришь. Пошлешь неосторожно не в ту сторону или про матушку собеседника вспомнишь, можешь до утра и не дожить. За решеткой все сказанное воспринимается серьезно. «Косяк» в любой момент случиться может. Кувадле не хотелось, чтобы сейчас принялись выяснять отношения. Он незлобно и тихо произнес, но в тишине слова смотрящего хаты прозвучали веско:

– Фильтруй базар, очкарик. Так куда ты его послать хочешь?

– В баню... – упавшим голосом произнес саратовец, в первый раз оказавшийся на бытырских нарах.

– Баня еще через три дня, – не стал настаивать на сатисфакции мужик, – в баню можно. Правда, лучше бы ты меня в другое хорошее место послал. Я бы не отказался.

– Вы «сеансов» насмотритесь, скоро и телевизор трахнете, – произнес Кувадла, отворачиваясь к стене. Даже на его «козырной» шконке под самым окном дышалось тяжело.

Вся камера тут же взорвалась дурацким смехом. На воле от такой шутки никто бы, наверное, даже не улыбнулся.

– Фотография телки имеется? – вызвался любопытный и тронул очкарика за плечо.

– Была... – вздохнул тот, – но я ее на свиданке брату отдал. Эх, не привык я к таким сигаретам, на воле только «Мальборо» курил.

Никто не стал выяснять – почему отдал брату фотку. Все понимали, у каждого нашлась бы подобная история. В неволе вдвойне тяжелей, если что-то напоминает тебе о свободе. Смотришь на фотографию, и сами собой приходят мысли: что блондинка сейчас делает, одна ли, вспоминает ли... Вот и отдают эки фотографии родных и близких, чтобышний раз не терзаться, не переживать.

В коридоре загремели ключи, и дверь камеры отворилась. Кувадла даже не повернулся.

– Кувалов, на выход, – лениво процедил сквозь зубы конвойный «рекс».

Кувадла, не выказывая удивления, неторопливо поднялся со шконки – сохранял достоинство. В камере, как в волчьей стае, только почуют слабость вожака, тут же повиноваться перестанут. А власть свою Кувадла держал железной рукой.

– Стоять, лицом к стене, – скомандовал «рекс».

Андрей Кувалов чуть медленнее, чем следовало, повернулся лицом к шершавой стене, заложил руки за спину. Железная дверь в камеру с грохотом затворилась.

– Пошел!

Кувалова конвоировали двое: коридорный в камуфляже, вооруженный дубинкой и баллоном со слезоточивым газом, и «рекс», которого он видел впервые. Коридор следственного изолятора был разделен железными решетками на отсеки. Запоры в решетках были двойные, но закрывались все они только на один ригель. Второй запор был куда надежней – три массивных стержня могли выдвинуться из стены по команде с пульта. «Рекс» открывал решетки длинным ключом-«вездеходом», каждый раз не забывая напомнить подследственному:

– Стоять, лицом к стене.

После тесной тюремной камеры коридоры, освещенные жидким электрическим светом, казались удивительно широкими. Узнику дышалось в них легко, хотя Кувалов помнил, когда его только привезли в Бутырку, так он не думал. Тогда мгновенно в нос ударил спертый, насыщенный миазмами воздух, отчего закружилась голова. Проплывали мимо темные прямоугольники металлических дверей с номерами хат.

Кувадла не спрашивал, куда и зачем его ведут, это тоже одно из тюремных правил. За решеткой человек не принадлежит самому себе, куда ведут – туда и пошел, нет выбора. Наконец «рекс» распахнул неприглядную дверь, за которой оказалось узкое и высокое, как стакан, помещение, всю меблировку которого составляли стол и два табурета, намертво прикрученные к полу. В таких кабинетах проходят допросы или встречи с адвокатами.

Андрей Кувалов опустил на табурет и положил перед собой руки на стол. «Рекс», не сказав ни слова, вышел из комнаты. Над головой серел неровно оштукатуренный свод, помнивший еще дореволюционных сидельцев. На стене, метрах в двух с половиной от пола, чтобы не дотянуться, горели две яркие лампочки, забранные в проволочные плафоны.

Когда дверь отворилась вновь, Кувадла даже не счел нужным обернуться.

– Здравствуйте, – услышал он спокойный мужской голос и тут же почувствовал, что в помещении запахло дорогим одеколоном.

– Здравствуйте, если не шутите, – Кувадла исподлобья глянул на элегантного мужчину в дорогом костюме, темно-синей рубашке и ярко-красном галстуке.

Позолоченные пуговицы поблескивали, отражая в себе лампочки. Лицо мужчины, умное и дородное, показалось Кувалову немного знакомым, но где и при каких обстоятельствах они встречались, вспомнить не смог. Знал наверняка, что вместе им сидеть не приходилось. Мужчина хоть и не чувствовал себя подавленным в тюрьме, но «домом родным» Бутырку наверняка не считал. Попытки поздороваться за руку не сделал. Взгляд его был немного брезгливым.

– Андрей Александрович, – вкрадчиво произнес он, – я ваш новый адвокат. Зовут меня Святослав Петрович Нардов.

И тут Кувадла припомнил, что уже не раз слышал об этом человеке. Среди бывалых зеков о нем рассказывали чудеса. Говорили, что этому юристу под силу составить любую бумагу. Что даже убийц он умеет вытаскивать под залог. Даже самые безнадежные дела принимали к пересмотру и кистили по ним срок в два раза. Припомнилось, что видел его он в бутырском коридоре две недели тому назад. Но тогда Нардов даже не взглянул на заурядного домушника, а теперь сидит, улыбается ему.

– Вы слышите меня?

Даже челюсть у Кувадлы отвисла, он лихорадочно соображал, что делать. Тюрма приучила его к тому, что сюрпризы приятными не бывают, а если и случаются, то непременно к худшему.

«Подстава, – подумалось ему, – но в чем она? Какой смысл подсылать ко мне дорогого адвоката. Следакам в деле и так все ясно. Да и не стал бы Нардов пачкаться».

– Вас что-то удивляет? Спрашивайте.

Нардов подвинул к Кувалову пачку «Мальборо» и вынул из кармана пиджака маленькую раскладную пепельницу, сдвинул крышку.

– Не понял, – наконец-то выдавил из себя домушник и жадно затянулся хорошей сигаретой, но почти не почувствовал вкуса.

– Я легкие сигареты курю, – улыбнулся адвокат и, не дождавшись ответа, продолжил: – Меня попросили выступить в вашу защиту. Вам платить мне ничего не придется.

– Кто заплатит?

Нардов глубокомысленно воздел глаза к грязному потолку:

– Этот человек не хотел, чтобы прозвучало его имя.

– Тогда и разговор окончен, – резко произнес Кувалов, попытавшись встать из-за стола, но Нардов остановил его взглядом.

– Выбор упал на вас почти случайно. Подошел бы любой смысленный зэк. Я не сказал, что платить не придется вообще. Услуга за услугу. Вы выполните, что я вам передам, взамен за это займусь вашим делом. Обещать чуда не стану. Честно говоря, я еще и не знакомился с ним, но все возможное устрою.

– Что от меня требуется? Я «загрузиться» должен?

Кувалов решил, что Нардова прислали уговорить его взять на себя чужое дело. Такое случается довольно часто. Ведь по российским законам больший срок поглощает собой меньшие. И прежде уже сидевший домушник, осужденный за квартирную кражу со взломом на три года, вполне может взвалить на себя и что-нибудь поскромнее, какую-нибудь драку у ресторана. Именно это и имел в виду Кувадла, сказав «загрузиться».

Святослав Петрович вежливо улыбнулся, и было в его улыбке что-то неискреннее, восточное. Темно-карие глаза покрылись масляной поволокой.

– Вы догадливы, но ошиблись. Я не хотел бы терять с вами время. Завтра к вечеру один из ваших сокамерников должен очутиться в тюремной больнице...

– Это не ко мне, – перебил Кувалов, – лепила решает, кому в больничку закосить.

Кувадла, как смотрящий хаты, знал, что сегодня в больничке уже оказались три вора в законе, значит, готовится толковище. Авторитетам предстоит перетереть и принять решение. Не водку же пить они там станут. Самого Кувадлу, ясное дело, никто на подобные мероприятия не приглашал – цветом не вышел.

– Если бы мне был нужен лепила, я бы к нему и обратился. Все равно, кто окажется в больничке, это на ваш выбор. Но повреждения должны быть серьезными. На грани выживания. Вам ясно? Именно на грани. Морг никому не нужен.

– Чего ж не понять, – хрустнул мощными руками Кувадла, – найти терпилу и «покошмарить» по полной программе, но только чтобы не сдох.

– Все правильно. Вы согласны?

– Стремно.

– Опасаетесь администрации, сокамерников?

Кувалов даже рассмеялся.

– Боялся бы, вы бы ко мне не пришли. Не могу понять одного – зачем? А в темную играть не люблю.

– Вы не поверите, но даже я играю в темную, – пожал плечами адвокат, – так что и ответить мне вам нечего. Думайте, – он взглянул на часы, – у вас есть три минуты.

Кувалову казалось, что он даже слышит, как противно тикают на руке Нардова швейцарские часы. Предложение выглядело заманчивым.

«Но на кой хрен? – недоумевал Кувалов, – подстава, падлой буду, подстава. Надо отказываться».

– Вы уже решили? – Нардов постучал отполированным ногтем по стеклу часов.

– Сделаю, – произнес Кувалов, и обратной дороги у него не было.

Потому как в тюрьме и на зоне – железное правило: «мужик сказал, мужик сделал». Никто домушника за язык не тянул.

– Вот и чудно, – адвокат облегченно вздохнул, – надеюсь, теперь ваши дела пойдут лучше, только постарайтесь сами не засветиться, чтобы мне потом вас от еще одной статьи не отмазывать.

Нардов щедрой рукой поделился с Куваловым сигаретами, отсыпав ему половину пачки, и подсунул на подпись документ. Кувалов прочитал его от первой заглавной буквы до последней точки. Ничего особенного, обычный договор с адвокатом, о передаче ему права представлять интересы обвиняемого.

– Желаю удачи, – Нардов произнес это таким тоном, что было понятно: если Кувалов не исполнит обещанного в точности, ему не жить – что-что, а смысловые оттенки своему голосу Нардов придавать умел.

Папка захлопнулась.

– Вот и все. Охрана! – позвал адвокат. – Можете увести.

«Рекс» с бесстрастным лицом открыл дверь и скомандовал:

– На выход.

Вновь были переходы, коридоры, разбитые на отсеки-шлюзы, гремел ключ-«вездеход». Наконец Кувалов оказался перед железной дверью своей камеры. Шмонать его после встречи с адвокатом никто не стал. Сокамерники с интересом уставились на смотрящего хаты. Событий в тюрьме немного, всегда интересно узнать, как продвигается следствие у другого. На чужих ошибках, гляди, и ума-разума наберешься. Еще про один прикол следяков узнаешь и не поведешься на него.

Однако спрашивать у Кувалова не решались, если захочет, сам расскажет. Смотрящий прошелся по притихшей камере и сел на шконку, огляделся. До этого перед ним были не люди, а серая масса, которую только и надо, что держать в повиновении. Сейчас ему предстояло самому решить – кого измороженным понесут в больничку. И понесут ни за что, просто потому, что так сказал Нардов. Угрызения совести не сильно допекали Кувалова. В конце концов, в тюрьме каждый сам за себя. Если не сумеешь себя поставить – пропадешь. Но тут же приходила в голову мысль, что и его самого могут так же поставить на кон.

Двое «торпед» из татуированных блатных переместились поближе к смотрящему, на случай, если понадобятся.

– К следаку таскали? – шепотом поинтересовался один из них.

– Пошел ты... – тихо сказал Кувалов и тут же добавил, широко улыбнувшись: – В баню.

Густо татуированный арестант-«торпеда» подобострастно заржал, обнажив две желтые коронки.

Уже погасли экраны телевизоров. После отбоя камеру заливал мертвенно-синий свет. Кувалов никак не мог заснуть. Сегодняшняя встреча с Нардовым сломала его, потому что подарила надежду. А надеяться на лучшее – самое плохое для арестанта. Уж лучше приготовиться, что тебе впаяют «десятку», а потом получить «пятак», чем наоборот. Тогда и пять лет неволи покажутся детским сроком, который на одной ноге возле толчка пересидеть можно.

Во сне арестанты иногда вскрикивали. Было слышно, как плачет, не просыпаясь, под шконкой – «на вокзале» молодой шнырь. Кувалов повернулся на бок и отбросил одеяло. На втором ярусе нар поблескивали круглые стекла очков первохода. Парень боялся снимать их на

ночь, чтобы ненароком не раздавить во сне. Руку он свесил вниз, то и дело сжимал пальцы, будто ловил что-то невидимое.

Кувадла сел, прислушался, никто не пошевелился. Он поднялся, прошел вдоль нар, всего на секунду задержался возле очкарика, сунул руку под самодельную подушку и тут же выдернул. И если бы не синий свет, то было бы видно, как прилила кровь к лицу выдавшего виды блатного.

– Прости меня, господи, – прошептал он, уже вернувшись на место.

* * *

В тот самый день, когда адвокат Нардов появился в Бутырке, чтобы сделать Кувадле странное предложение, главный врач тюремной больницы Петр Алексеевич Барсуков слегка поправил свое материальное положение. На автомобильной стоянке, где он всегда оставлял свои «Жигули», Петр Алексеевич открыл машину, приспустил стекло в задней дверце, а затем хлопнул себя по лбу, словно что-то забыл, и заспешил прочь. Барсуков знал, что зря разыгрывает спектакль, что ничего он не забывал, а просто ему надо на время отойти в сторону. Но врач ничего не мог с собой поделать, ему было страшно, что кто-нибудь заподозрит, поймет, почему это он не спешит уехать домой, вот и прикинулся забывчивым.

Барсуков – высокий дородный мужчина с чуть обрюзгшим лицом, закурил и нервно затянулся. Сегодня ему уже пришлось поволноваться, когда по его распоряжению в тюремную больницу перевели трех воров в законе, сидевших в Бутырке. Перевод всей троицы он устроил по достойным веры диагнозам, почти не сочинял, ведь настоящих хворей у высоких авторитетов воровского мира хватало. Все-таки тюрьма – не курорт, и здоровья никому из сидельцев она еще не прибавила. По большому счету придрасться было не к чему, даже если бы на доктора и наехало начальство.

«Ну да, подстраховался, – сказал бы он, – можно было и не госпитализировать, но сами же понимаете, если вдруг окажется, что законник умрет из-за того, что ему вовремя не оказали помощь... Это же грозит бунтом в тюрьме».

Начальство и слова не сказало. Сколько и кто, кроме него, получил денег за эту госпитализацию или же сделано это было взамен за услугу, Барсуков не знал и не хотел об этом думать. Его интересовала только его собственная доля.

В тюрьме работа не сахар, того и гляди подхватишь туберкулез или взбесившийся от безысходности арестант наградит тебя СПИДом, впившись зубами в руку. Корячиться за одну зарплату, проводя каждый божий день за решеткой в обществе преступников, нормальный человек не согласится. И потому взятки Петр Алексеевич считал справедливой добавкой к денежному довольствию. Он-то считал, но государство полагало иначе, вот и боялся всего Барсуков, боялся панически.

«Боже мой, – думал он, глядя на свою машину, поблескивающую лаком на солнце, – ведь могу же позволить купить себе хороший новый автомобиль – немецкий или японский, а езжу на отечественной развалюхе. Могу купить квартиру побольше и ближе к центру, но живу с женой в той, какую получил еще от государства. Могу поехать отдыхать за границу, но приходится ездить в Сочи и жить в дешевеньком доме отдыха... Но ничего, когда выйду на пенсию, оттянусь. Вот тогда и пригодятся мои сбережения. Пенсионерами никто не интересуется», – утешил себя тюремный врач.

Сигарета сотлела уже до самого фильтра, а Барсуков не выпускал ее из пальцев и даже время от времени делал вид, что затягивается. Он не боялся, что его обманут и не привезут обещанные деньги, он боялся, что его словят родные правоохранительные органы. На стоянку зарулил черный «БМВ» с тонированными стеклами. Автомобиль медленно ехал, словно водитель выбирал место для парковки. Барсуков следил за ним, не отрывая глаз. Возле «Жигулей»

водитель даже не сбросил скорость. Вроде бы ничего и не произошло, но напряженный взгляд тюремного врача засек, как из окошка «БМВ» вылетел небольшой цилиндр и прямоком угодил в приоткрытое окошко «Жигулей». Проехав стоянку насквозь, «БМВ» покинул ее и вскоре уже растворился среди других машин, на прощание мигнув Барсукову габаритами.

Петр Алексеевич задумчиво принялся насвистывать мелодию из Моцарта. Он возвращался к машине не прямоком, а заложив крюк, чтобы удостовериться – никто за ним не следит. Лишь оказавшись в салоне, он решился заглянуть в зеркальце заднего вида, укрепленное на ветровом стекле. Поправил его и разглядел на заднем сиденье небольшой, но тугий скруток долларов, завернутый в прозрачный полиэтилен и перетянутый аптекарской резинкой. Тут же отвел взгляд. Даже если бы сейчас на его машину налетели «маски-шоу», а омоновцы выволокли и бросили его лицом на асфальт, доказать потом было бы ничего невозможно. Отпечатков пальцев на деньгах нет.

«Подбросили!» – твердо стоял бы он на своем, и самое странное, что его оправдали бы.

В том, что при надобности у него окажется один из лучших адвокатов России, Барсуков не сомневался, сидельцы Бутырки, кому он оказывал услуги, пусть и платные, постарались бы. Лепила, если он не зверь, считай, единственная уважаемая арестантами профессия в тюрьме. И рассуждение типа: «Все равно на должность Барсукова не вернут. Зачем ему помогать?» – не прошла бы. Придет другой врач, но он будет твердо знать, что в беде его не оставят.

Примерно так рассуждал Петр Алексеевич, выезжая со стоянки. Он твердо знал, что не дотронется до денег, прежде чем не остановится в собственном дворе. Он даже дверки в машине не блокировал, чтобы потом в случае чего иметь возможность оправдаться: «Я же ни от кого не прятался. Да если бы я боялся, то закрылся бы наглухо».

Конечно, рассуждения врача были чем-то схожи с мальчишескими. Дети тоже любят по сотне раз прокручивать одну и ту же ситуацию, всякий раз пытаясь предугадать и предотвратить возможные ошибки. Они заранее придумывают, что скажут сами, и сами же отвечают за собеседника. А потом обязательно случается совсем не так, как они думали. Жизнь – она лучший режиссер.

Так же случилось и с Барсуковым...

Он старательно избегал оглядываться, чтобы случайно не наткнуться взглядом на доллары, полученные за переправку блатных в тюремную больничку. Город плох тем, что в нем много светофоров. На одном из них, когда Петр Алексеевич еще не успел заскучать, ожидая зеленого сигнала, из машины остановившейся за ним – темно-зеленого, почти черного «Гранд Чероки», вышел элегантный мужчина и тут же направился к «Жигулям». Барсуков вздрогнул, когда заметил за стеклом темный силуэт, его взгляд приковал к себе красный галстук. Рука сама собой потянулась к кнопке блокировки дверцы. Мужчина нагнулся и постучал в стекло согнутым пальцем.

– Разрешите к вам, Петр Алексеевич. Свет скоро переключат. Не стоять же мне посреди проезжей части.

У Барсукова немного отлегло от сердца, когда он признал в мужчине, обладателе красного галстука, адвоката – Святослава Нардова.

– А... это вы, – и тюремный врач приоткрыл дверцу, – садитесь.

Барсуков затравленно оглянулся, чтобы увидеть, кто же остался в машине, которую покинул адвокат. Но солнцезащитный козырек был опущен, и Петру Алексеевичу пришлось довольствоваться лишь созерцанием волевого, по-модному небритого подбородка.

– Не волнуйтесь, езжайте, как ехали, меня подберут, – адвокат улыбнулся одной из своих располагающих к искренности улыбок, – есть небольшой разговор.

«Улыбается, наверное, деньги заметил, – похолодело в душе у тюремного врача, – какого хрена ему надо?»

На перекрестке «Гранд Чероки» послушно свернул за «Жигулями».

– Я вас слушаю.

– Прошу об одной чисто товарищеской, профессиональной услуге. – Нардов довольно бесцеремонно открыл перчаточный ящик в машине и одну за другой положил на крышку пять столонларовых купюр, придавил их пачкой сигарет. – В тюремной больнице...

«Далась им всем тюремная больница, – подумал Барсуков, – куда он клонит?»

– ...так вот, в тюремной больнице, – продолжил адвокат, – завтра вам предстоит вызвать к одному пострадавшему консультанта – доктора Иванова, из двадцатой больницы. Скажете, что пострадавший, на ваш взгляд, нетранспортабельный, и доставить его в городскую больницу для консультации невозможно.

– Погодите, – возмутился Барсуков, – нет у меня сейчас в больнице нетранспортабельного больного. Нет.

– Завтра будет, к вечеру он будет точно, – голос Нардова переливался, как горный ручей, – фамилии, к сожалению, назвать еще не могу. Консультанта с реанимационной бригадой вызовите вечером, так, чтобы приехать они могли уже ночью.

– Если вы собираетесь устроить побег, то я...

– Какой побег? Стал бы я в этом участвовать! Просто одному человеку очень нужно побывать в тюремной больнице для важного разговора. Вы же знаете доктора Иванова?

– Конечно, знаю – он ведущий реаниматолог.

– Тогда чего вы опасаетесь? – Адвокат поигрывал откинутой крышкой перчаточного ящика, на которой лежали придавленные пачкой сигарет доллары.

– Начальник тюрьмы – не дурак. Мне и так уже пришлось сегодня рискнуть.

– Конечно, не дурак, и в этом я успел убедиться, мы беседовали совсем недавно. Смею вас заверить, больница в ближайшие дни его совсем не будет интересовать, – указательным пальцем Нардов прикоснулся к деньгам, – вы всего лишь перестрахуетесь, вызовете реаниматолога. Никому не хочется, чтобы арестант помер в больнице из-за того, что ему вовремя не оказали помощь. Журналисты любят обсасывать подобные трагедии. А вы проявите гуманность. Начальник подпишет пропуск на реанимобиль и спокойно уедет домой. Вы тоже.

Барсуков колебался. Подставы со стороны адвоката он не опасался, тот ни за что не стал бы рисковать своей репутацией, и не потому, что был очень честным и порядочным. Таких людей среди адвокатов, пожалуй, вовсе не отыскать – не та специфика профессии. Просто, подставив один раз, навсегда потеряешь доверие, тебе больше никто не сделает поблажки, ни за красивые глаза, ни за деньги. Единственный вариант, при котором Нардов мог пойти на подставу, если бы ему заплатили больше, чем он рассчитывал заработать на клиентах до конца жизни. А такие деньги предложить некому. Да и зачем?

«Хотя, если планируется побег, могут выложить огромные бабки, – подумал врач, – не стоит себя мучить, – решил он наконец, – надо соглашаться. Стоит только поторговаться».

– Я вас слушаю, – Барсуков бросил равнодушный взгляд на деньги.

– Я уже все сказал. Жду только вашего согласия.

В зеркальце заднего вида маячил «Гранд Чероки» с небритым мужчиной за рулем. Отражение в маленьком зеркальце прыгало, и тюремный врач никак не мог рассмотреть лицо.

– Даже не знаю, что вам и сказать. Вы меня толкаете на должностное преступление.

– Помилуйте, – засмеялся Нардов, – вся предыдущая часть разговора не более чем возможное допущение. Ведь пострадавший в больницу еще не поступал, он мирно сидит в Бутырке. Он даже знать не будет, почему угодил в больницу и почему к нему отнесутся там с подобающей цивилизованной стране гуманностью. Это только допущение, рассуждения. А факты...

Барсуков глянул на адвоката, в его глазах Нардов прочитал:

«Что ты мне втираешь? Неужели не понял, что денег мало предложил? А если тебя только на полштуки уполномочили, то выметайся из машины. За мелочовку не берусь».

Вновь раскрылось портмоне, Нардов вытащил еще две стодолларовые бумажки, подхватил сигаретную пачку, бросил их сверху пяти банкнот и тут же захлопнул перчаточный ящик.

– Вот и все, – сказал он и промокнул лоб носовым платком.

Барсуков только кивнул в ответ.

– Остановите. Дальше я сам, – попросил Нардов, – день выдался тяжелый. Но удачный благодаря вам. Теперь можно и расслабиться.

– У меня каждый день тяжелый.

– Сочувствую. Но терпение и усилия непременно вознаграждаются. Всего доброго.

«Жигули» притормозили у бордюра. Элегантно одетый Нардов выбрался из машины. Выходя, придержал рукой красный галстук. Тут же остановился и «Гранд Чероки», чтобы подобрать адвоката. Барсуков дождался, пока огромный и торжественный, словно дорогой лакированный гроб, джип отъедет. За рулем сидел явно не простой шофер – наемные люди так властно не смотрят на мир.

«Видел я его раньше или нет?» – задумался Барсуков.

Память на лица он имел плохую. Лица пациентов его никогда не интересовали, зато держал в памяти особенности строения тел тех, кого ему приходилось осматривать. Досконально помнил татуировки, но не лица.

«Взгляд у небритого странный, – решил тюремный врач, – вроде как правый глаз слегка косит, сразу и не поймешь, куда смотрит».

Барсуков благополучно доехал до своего двора, припарковал скромные «Жигули» между двумя иномарками и заглушил двигатель. На дворовой стоянке было пусто – ни одного человека. Деньги из перчаточного ящика он выгреб и, не пересчитывая, сунул в карман. Новенькие купюры захрустели. Скруток с баксами зажал в кулаке. Деньги буквально жгли руку, ему не терпелось от них избавиться. Тюремный врач не стал подниматься домой, а сразу спустился в подвал. Чем-то подвальный коридор напоминал ему бутырские переходы. Те же пронумерованные двери, такая же сырость, слабое освещение, только все исполнено в миниатюре и не хватает решеток-перегородок. Закрывшись в собственном сарае, Барсуков осторожно выдвинул из стены кусок чугунной канализационной трубы. Внешне она смотрелась как самый банальный «стояк», но на самом деле начиналась у потолка и кончалась в выемке бетонного пола. Деньги, для надежности завернутые в блестящий станиоль и закрученные в толстый полиэтилен, исчезли в ее недрах.

«Ну вот и все, – с облегчением вздохнул врач, – теперь можно по совету адвоката и расслабиться. Завтра еще немного поволноваться, а там и выходные».

Нардов тем временем еще не мог себе позволить отдых. Он вертел в пальцах изрядно опустевшую пачку сигарет. Наконец «Гранд Чероки» свернул в боковую улицу и замер у пустынного тротуара.

– Как понимаю, он взял? – поинтересовался чуть небритый мужчина, снял руки с руля и негромко включил в салоне музыку.

– Само собой разумеется, – в глазах адвоката уже не было прежней брезгливости, – я еще не встречал человека, который был бы способен отказаться от денег. Даже среди сумасшедших.

– А мне приходилось.

– Среди кого?

– Среди блатных.

– Значит, вы им мало предлагали. Барсуков тоже не сразу согласился. Половина штуки его не устроила, но семьсот взял.

– Оборзели менты, думают, что раз Москва – столица, то можно и ставки заламывать космические. Скоро за бутылку водки, пронесенную в СИЗО, по сотке станут требовать.

– Барсуков подумал, что побег замыслили.

– Ты ему объяснил?

- Как сумел. Если бы не поверил, не взял бы.
- Хорошо, теперь езжай в двадцатую больницу. Надо, чтобы реаниматолог не передумал.
- Все получится. – Нардов улыбнулся и прикоснулся ладонью ко лбу. – Я пошел?
- Валяй.

«Гранд Чероки» буквально взрыл асфальт шипованными протекторами и умчался по пустынной улице.

– С огнем играет Артист, – то ли восхищаясь, то ли осуждая, произнес адвокат вслед удаляющемуся джипу.

Глава 2

Грохоча алюминиевыми поддонами и распространяя запах тухловатой рыбы, «ЗИЛ» с ярко-голубым рефрижератором, на котором красовалась новенькая надпись «Рыба – Пеликанов и К°», отъехал от рампы. Металлическая дверь магазина с грохотом захлопнулась. Два небритых уставших грузчика в темно-синих халатах и грязных кожаных передниках сошли по ступенькам с рампы. Они устроились в тени каштана, единственного на весь двор полноценно растущего дерева. Грузчики сидели на пластиковых ящиках и курили. Перед каждым стояло по бутылке пива.

Не прошло и минуты, как к рампе подлетел темно-синий легковой автомобиль «БМВ» седьмой модели, каких в Москве тысячи. Взвизгнули тормоза, машина замерла как вкопанная, двигатель мгновенно смолк. Между бампером и бетонной рампой расстояние измерялось сантиметрами.

– Во дает! Снайпер, – нервно затянувшись сигаретой без фильтра, пробурчал пожилой грузчик. – И коробок спичечный не проскочит.

– И машины им не жалко, – в тон ему, словно автомобиль являлся его собственностью, сказал грузчик помоложе, выковыривая ногтем из глубокой морщины на запястье присохшую рыбную чешую.

Из машины уже выбрались двое мужчин лет по двадцать пять в черных джинсах и кроссовках. Оба коротко стриженные, с крепкими шеями, покатыми плечами. На одном была джинсовая рубашка цвета весеннего неба, а на другом вишневая майка без рукавов – рельефные бицепсы украшала густая, как паутина, татуировка. Парни огляделись по сторонам. По грузчикам скользнули такими взглядами, словно те были не люди, а дворовые коты, которые крутятся в надежде стащить кусок мороженой рыбы.

Мужчина в майке без рукавов посмотрел на часы.

– Ну что, идем?

– Однако и смрад здесь! – сказал его приятель, брезгливо морща сломанный нос.

– Все надо делать вовремя, чики-чики, – растопырил пальцы и пошевелил ими парень в майке.

– А это кто такие? – глядя на широкие спины парней, которые поднимались по ступенькам к обитой железом двери магазина, поинтересовался молодой грузчик.

– Инкассация, – услышал он в ответ от своего напарника.

– У вас тут хоть деньги регулярно платят? Устраивался, обещали, что задержек не будет.

– Задержки – это не для мужиков, для баб. Когда придет день получки, тогда и узнаешь, как тут платят, – немолодой грузчик с фиолетовыми прожилками на щеках и белыми склеротичными пятнышками на кистях рук сказал и отвернулся от бетонной рампы, словно все происходящее его абсолютно не касалось.

Парень в джинсовой рубашке схватился за дверную ручку, трижды дернул. Дверь не открылась.

– Не понял, – сказал он, обращаясь к двери, – это еще что такое?

Второй сжимал и разжимал напарафиненные кулаки. Лицо у него было абсолютно отсутствующим. Парень в джинсовой рубашке стал к двери спиной и трижды так сильно ударил в дверь ногой, что та задрожала, а по двору покатилося эхо. Даже голуби, сидевшие на жестяной крыше над рампой, взлетели и рассыпались в воздухе как фейерверк.

– Петрович, подожди! – раздался из-за двери женский голос.

– Какой Петрович на хрен! Открывай калитку! – рывкнул и еще раз ударил в дверь ногой парень в голубой джинсе.

– Так это не ты, Петрович? – раздраженно прозвучало из-за двери.

- Нет.
- А кто?
- Дед Пихто, дура! Инкассация.
- Ой, извините!

Парень в джинсовке говорил так уверенно, словно весь этот двор, дом и магазин принадлежали ему. Из «БМВ» летели песни знаменитого и популярного «Лесоповала». Молодой грузчик пил пиво и, сидя, притоптывал в такт музыке, он с интересом следил за приехавшими парнями. А что еще? Подтаявшую рыбу они перегрузили, пустую тару вынесли в рефрижератор, так что можно и отдохнуть, расслабиться.

- Теперь уже парень в майке посмотрел на часы, сплюнул под ноги.
- Что-то настроение у меня начинает портиться. Не нравится мне.
- Чего тебе не нравится?
- «Пеликанов и К°».
- А-а, – сказал парень в джинсовке, и у него под широкими скулами забегали желваки.

Не успел в замке повернуться ключ, как парень так рванул на себя дверь, что девушка в белом халате с растрепанными каштановыми волосами вылетела чуть ли ему не на руки. Она что-то хотела сказать, но, увидев звероватые мрачные лица и татуированные бицепсы, втянула голову в плечи.

- Хозяин на месте? – почти нежно спросил парень в майке, заглядывая девушке в глаза.

Губы с размазанной помадой шевельнулись, она тряхнула головой, показывая в глубь магазина.

Ей, с огромным трудом устроившейся на работу две недели назад, хозяином магазина представлялся директор, тридцатисемилетний толстяк в льняном костюме, пахнувший дорогим, по ее мнению, одеколоном. Директор магазина Валерий Федорович Желтков только что пытался отыграть молоденькую неопытную продавщицу, и, если бы не грохот в дверь, возможно, ему бы это и удалось. Он был раздражен, сидел в тесном кабинетике под вентилятором и жадно, как рыба, выброшенная на берег, хватал прохладный воздух пухлыми губами. Жалюзи на окне были плотно закрыты.

Фима и Серый привычно прошли знакомым коридором, свернули направо, обошли два огромных холодильника и оказались перед дверью директорского кабинета. Фима одернул джинсовую рубашку, а Серый вытянул руки из карманов джинсов. Они вошли в кабинет, и там тут же сделалось катастрофически мало места. Пришельцы уставились на директора. Тот ответил им таким же вопросительным взглядом.

– Хозяин где? – Фима подошел к Валерию Федоровичу Желткову вплотную, развернул вентилятор на себя и подставил голову под упругую струю воздуха. – Что, в пот кинуло? – Хмыкнув, он уставился на темное пятно пота на майке директора магазина.

– А что вам, собственно, угодно? – Директор хотел подняться, но Фима опустил руку на жирное плечо и вдавил директора в кресло.

- Ты не понял, что ли, кто мы, по какому делу? Хозяин не предупредил?

Валерий Федорович опять попытался встать с кресла, но это ему не удалось. Он даже покраснел от натуги.

– Сиди, не менжуйся. У вас и так тут смердит, ты же не станешь воздух портить? Мы по два раза ходить не любим. Филки гони! – Серый сел на стол и стал рассматривать кулак, накачанный парафином.

- Мне хозяин никаких распоряжений не давал.

– Ах так, не давал? Забыл, наверное? – переглянулись Фима и Серый. – Пеликан забыл. Обидно. Ну, раз мы уже здесь, чтобы два раза не ходить, – сказал Фима, – ты должен будешь ему напоминать об этом каждый месяц. Ты ему будешь напоминать, договорились?

- Что я ему должен напоминать?

– Ну и лох!

– Он над нами издевается.

Фима положил пятерню на затылок Валерия Федоровича Желткова, сжал пальцы, словно у него под рукой был арбуз вместо головы, а затем резко завалил Желткова на бок к столу и ударил лицом о стол, причем так сильно, что два бокала, один пустой, второй полный, упали на пол и разбились. Желтков завизжал от боли.

Серый взял со стола три шоколадные конфеты, развернул их и по очереди отправил в рот. Фима за редкие волосы оторвал от стола голову директора магазина.

– Ну, ты теперь понял, о чем я тебя попросил, мудак? Или повторить?

Из разбитого носа текла кровь, капли падали на белую майку, на кремовый льняной пиджак и брюки. В общем, вид у директора рыбного магазина, принадлежащего фирме «Пеликан и К^о», был не ахти.

Фима взял телефонный аппарат, поставил рядом с директором:

– Звони Пеликану, непонятливый, а то останешься без носа.

– И возможно, даже без зубов, – уточнил Серый, смачно жуя конфету.

В дверь громко забарабанили.

– Скажи, что ты занят, пусть не беспокоят, – ласково попросил Желткова Фима.

– Я занят! Потом, потом! – судорожно выкрикнул Валерий Федорович, дрожащей рукой схватил телефонную трубку и принялся тыкать пальцем в клавиши.

Желтков несколько дней назад бросил курить. Сейчас ему очень захотелось глотнуть дыма, но сигарет не было, и вместо этого он сунул в рот жвачку. Он уже разобрался, кто пожаловал в магазин, до этого дня общение с «инкассаторами» брал на себя исключительно хозяин Артур Пеликанов, чей номер только что и набрал директор.

– Артур. Они пришли.

– ...

– Забыли?

– ...

– Да-да, я понял.

– ...

– Из выручки? Хорошо.

– ...

– ...Еще не было инкассации...

– ...

– Хорошо. – Желтков положил трубку на рычаги, испуганно заморгал.

– Что Пеликан сказал?

– Извините, господа, – Желтков прикладывал к носу платок.

– Рожу бы умыл.

– Только вытри сначала, – посоветовал Серый директору магазина.

Тот схватил полотенце, принялся вытирать лицо. Размазал кровь по двойному подбородку.

– Ну, клоун! Ты на себя в зеркало глянь, словно человека сожрал.

Фима с Серым поняли, что произошло: хозяин не предупредил директора, что сегодня придет «крыша» – забрать деньги. А директор новенький, как и половина персонала в магазине, оказался не в «курсах», вот и попал в неприятную историю.

Директор из сейфа вытащил деньги – пачки, перетянутые аптечной резинкой.

– В пакет положи. Даже бабки, и те рыбой воняют. И как ты тут дальше работать будешь? – почти с жалостью, глядя на директора, сказал Фима. – И бабы все вонючие, рыбой насквозь пропахли, как бочки из-под селедки.

– Ага, – согласился директор, складывая деньги в непрозрачный пакет для мусора.

– Ну вот, порядок, – похлопал по плечу Валерия Федоровича Желткова Фима. – Теперь ты нас знаешь, хозяину будешь напоминать. Больше не забудешь, в зеркало чаще посматривай. До встречи.

В коридоре, прижавшись к холодильнику, стояла и дрожала молоденькая продавщица с растрепанными каштановыми волосами. Серый наклонился к ней и прошептал на ухо:

– Иди директора успокой, быстро!

Девушка метнулась к открытой двери.

Пацаны, смеясь, вышли на рампу, легко спрыгнули к машине, забросили пакет на заднее сиденье. Фима посмотрел на часы, протянул руку, провернул ключ в замке зажигания. Ключ оставался в машине все то время, что они отсутствовали, дверцы приоткрыты, тонированные стекла в окнах опущены.

– Пошли посмотрим, – позвал молодой грузчик своего пожилого коллегу.

– Нет, – сказал тот, – посидим еще, пусть там все устаканится.

– А что там было?

– Я откуда знаю? – резонно заметил грузчик, вливая в рот последние капли теплого пива. – Но смотреть не хочется.

«БМВ», из которого неслись песни «Лесоповала», завизжал протекторами, взревел и, развернувшись чуть ли не на месте, умчался со двора.

– Теперь уже все? – спросил Серый.

– Теперь к Карлу, – ответил Фима, – куда ж еще? Пеликан последним был.

* * *

Хозяин небольшого, но уютного бара «Лондон», находящегося в ста метрах от людной центральной улицы, сегодня сам стоял за стойкой. Были у него и два бармена, и официант, но сегодняшний вечер накануне выходного дня обещал быть шумным. На двери бара красовалась табличка: «Извините. Закрыто».

В баре на семь столиков и на пять табуретов у стойки, кроме хозяина, находилось еще два человека: вор в законе Карл и его девятнадцатилетний крестник Николай Бунин в темных очках на красивом бледном лице. В двери изнутри бара из замка торчал ключ. Музыка звучала непривычно тихо, хотя колонки и аппаратура за спиной бармена-хозяина могли дать такой звук, что стены стали бы пульсировать, а бокалы с коктейлями заползали бы по мраморной плите стойки бара.

Но сегодня был не тот вечер, когда гремит музыка, дверь открыта настежь, а над стойкой до рези в глазах мигают лампочки. Бунин пил кофе, а перед смотрящим – Карлом стояла белая чашка и такой же белый заварник. Карл через ровные интервалы времени наливал немного заварки в чашку и не спеша выпивал. Его темный дорогой плащ с большими костяными пуговицами висел на плечиках за спиной.

– Еще чего-нибудь, может? – хозяин бара, коротко стриженный мужчина лет тридцати восьми, вышел из-за стойки и глянул на Карла, сидевшего спиной к двери.

– Не суетись. Ничего не надо. Хороший чай быстро не выпьешь.

– Может, вам чего-нибудь подать?

Карл не мог сдержать улыбку, когда смотрел на Бунина. Парень умело изображал из себя слепого, то промахивался рукой мимо чашки, то не мог отыскать ложечку.

– Я бы еще кофе выпил. Музыка у вас сегодня хорошая, – произнес Николай.

– Может, громче сделать?

– Не надо.

– Кофе покрепче?

– Да, – сказал Бунин.

Через минуту чашка свежесваренного кофе уже стояла перед Николаем. На блюде лежал кусочек сахара и маленькая шоколадная конфета. Бунин сжал чашку в пальцах, нащупал ложечку. Аккуратно собрал пенку, всю до последней капли, медленно поднес ко рту и проглотил, явно смакуя.

– И как ты можешь так много кофе пить? – не злобно пробурчал Карл.

– Понимаешь, столько чая, сколько пьешь ты, я не выпью.

– Не зарекайся, – заметил Карл и, одернув манжет черной шелковой рубашки, взглянул на часы, – чифирь до первой ходки мало кто уважает.

За дверью бара, на улице за пластиковым столиком, под единственным раскрытым зонтиком (все остальные были сложены) сидели двое блатных с синими от татуировок кистями рук. Одеты они были модно. На одном черный, на другом белый костюм. И рубашки: у одного белая, у другого черная. Абсолютно зеркальное сочетание, только вот лица и прически разные.

На другой стороне улицы притаилась машина, в которой сидели двое пацанов. Иногда они переглядывались друг с другом – те из машины и эти у двери, под зонтиком. Пепельница, пачка «Мальборо», две зажигалки, черные очки – все это лежало на льняной скатерти. Если кто-то из прохожих подходил к двери бара и, не заметив таблички, дергал ручку, толкал дверь плечом, один из блатных предельно вежливо, мягким певучим голосом произносил:

– Будьте любезны, не дергайте дверь, сегодня она не откроется. Приходите завтра.

Одного взгляда вкрадчиво говорившего пацана и улыбки его приятеля было достаточно, чтобы без лишних объяснений отойти подальше от бара «Лондон».

Дверь иногда открывалась, но для избранных.

Подъехала темно-синяя «БМВ» так тихо, что даже тормоза не запищали. Остановилась, дверца распахнулась, и на асфальт вышел Фима. Блатные, один в черном, другой в белом костюме, глянули на него, он на них. Фима подошел к двери, держа под мышкой объемный черный пакет, трижды негромко ударил в стекло, и дверь перед ним открылась. Фима вошел в бар, дверь без промедления закрылась, щелкнул замок. Блатной в черной рубашке поднялся, подошел к машине, нагнулся и, подмигнув, показал водителю, чтобы тот уезжал.

«БМВ» уехала, блатной вернулся на место, закинул ногу на ногу и, словно бы выполнил тяжелую работу, закурил. Сперва сжимал сигарету двумя пальцами, как это делает большинство курящих, но стоило ему задуматься, как, сам того не замечая, он перевернул зажженную сигарету, и та оказалась спрятанной в кулаке. Пацаны смотрели в разные стороны – в один конец улицы и в другой.

Фима коротко кивнул смотрящему. Карл ответил, бросив на него испытывающий, быстрый, как вспышка фотоаппарата, взгляд. Хозяин бара поднял прилавок. За стойкой была небольшая комнатка, где сидел седой мужчина и с ловкостью картежника безо всякой счетной машинки пересчитывал свезенные из района деньги и складывал их в обыкновенную хозяйственную сумку с замком-«молнией». Он принял пакет у Фимы, быстро раскрыл его и тут же безглаголиво поморщился.

– А еще говорят, что деньги не пахнут. Да они просто смердят! Будто их вокзальная проститутка целый день таскала в трусах.

– «Пеликанов и К°», – уточнил Фима, – а то ты не знал, что рыбные «бабки» привезем!

– Они такие мокрые, что их хрустами язык не поворачивается назвать. Но деньги – они всегда деньги.

Немолодой мужчина в вельветовых брюках и сандалиях на босу ногу работал с деньгами быстро. Купюры мелькали в его пальцах, складывались в пачку, шелкала резинка, и пачка летела в черную хозяйственную сумку, банальную, как мусорный бачок. Деньги сейчас для него были просто бумагой, они его абсолютно не возбуждали. А вот Фима слюну сглотнул, когда увидел чрево сумки, набитое тугими пачками банкнот – долларами, евро и российскими рублями.

– Деньги – дрянь, но без них никуда, – сквозь зубы процедил мужчина, показывая Фиме жестом, что он не любит, когда стоят над душой.

Фима покинул комнатку, но не через бар, а по узенькому коридору, где двое с трудом могли разминуться, – к двойной железной двери, у которой стоял блатной с зажженной сигаретой в зубах и «стволом» – рукоятка со спиленной звездочкой красноречиво торчала из-под брючного ремня. Блатной глянул в «глазок» во двор, открыл одну дверь, затем другую. Фима вышел. У крыльца, почти вплотную к двери, стояло три машины. Поодаль, метрах в пятнадцати, у «БМВ» топтался Серый.

Бунин уже допил кофе, выкурил четвертую за час сигарету. Карл взглянул на часы.

– Ты еще кого-то ждешь?

Законный кивнул, насупил седые брови. Лицо у него стало суровым, и Николай, хорошо знавший Карла, понял, что тот взволнован и не пытается скрыть беспокойство.

Хозяин бара закатал рукава белой рубашки и принялся протирать стаканы. Карл клацал затвором бензиновой зажигалки, а когда ему это надоело, зажег ее, но сигарету прикуривать не спешил, вертел в чутких пальцах вора-карманника, играл с нею. Наконец прикурил, защелкнул крышку.

В это время из-за стойки вышел кассир. Напоминать смотрящему, что еще не вся сумма собрана, он не спешил. Посмотрел по сторонам на корешки книг, на виды Лондона в дубовых рамках, на дверь с торчащим из замка ключом. Он смотрел так, будто попал сюда впервые и уже никогда больше здесь не окажется, а потому пытается наглядеться вдоволь, все запомнить, чтобы потом рассказывать внукам, как выглядит Биг-Бэн, Трафальгарский сквер, мосты через Темзу, Бейкер-стрит, Тауэр. И, нагледевшись, словно надышавшись туманным воздухом столицы Британии, он подошел к Карлу. Законный сидел, опершись подбородком о кулаки.

– Одного еще не хватает, – коротко сказал кассир, заподозрив, что смотрящий не слишком усердно разглядывал посетителей с деньгами.

– Знаю, – ответил Карл.

– Ждать будем? Сколько?

– Сколько надо.

– Понял.

– Чай? Кофе? – спросил хозяин, когда кассир подошел к стойке.

– Минералки. Душновато там.

– Ну что поделаешь, – хозяин наполнил высокий стакан шипящей минералкой.

– Кого ждем? – спросил Бунин, прекрасно зная, что Карл не из тех, кто позволит красть у себя время и станет ждать припозднившегося с платой «бизнесюгу».

Николай не мог понять, почему вор в законе не схватит трубку мобильного или не пошлет пацанов разобраться, чтобы быстро метнулись туда-обратно и вернулись если уж не с деньгами, то с информацией. Карл больше не глядел на часы. Заварка в чайнике уже давно кончилась, законный сидел неподвижно, оцепенев, с полуприкрытыми глазами, словно вспоминал что-то далекое. Иногда на тонких губах пробегала, как ветер по паутинке, волна улыбки и тут же гасла. Если бы Бунину не надо было притворяться слепым, то он взял бы с полки какую-нибудь книжку и принялся читать, не спеша переворачивая страницу за страницей. Но роль слепого музыканта следовало играть до конца. Из всех присутствующих только Карл знал правду.

Николай смотрел на дверь сквозь темные стекла очков, курил, рассматривал руки Карла и его лицо, пытаясь отгадать, к кому же это вор в законе так неровно дышит, что даже опоздание прощает.

«Неужели женщина? – Бунин ухмыльнулся, вспоминая тех женщин Карла, которых знал. – Да уж она, должно быть, красоты и ума невероятного».

Вдруг Карл вздохнул, открыл глаза:

– Замаялся?

– Есть немного, – ответил Бунин.

– Ждать надо уметь. Иногда ждать тяжелее всего на свете, хотя жизнь человека и есть ожидание смерти с момента рождения. И вот что интересно, никто ведь и не спрашивает: хочет человек на белый свет появиться или нет? Хочет он бояться смерти?

Карл взял в руку зажигалку, спрятал ее в кулаке. А когда разжал пальцы, зажигалки на ладони не оказалось. Бунин сделал вид, что ничего не заметил, он ведь слепой.

За дверью бара «Лондон» истерично взвизгнули тормоза, резко и противно. Бунин даже поежился. А законный даже не шелохнулся, не повел головой. Из машины, остановившейся в переулке прямо напротив бара, выскочил мужчина с портфелем, резко захлопнул дверь. За ним следом выбежала девушка, тряхнула копной черных кучерявых волос.

– И я с тобой, – закричала она. – Слышишь, дед, не хочу я одна в машине сидеть, надоело мне!

Блатной метнулся молоденькой девушке наперерез, но пожилой мужчина, широкоплечий, с короткими седыми волосами, белыми, как снег, гаркнул утробным голосом:

– Меня Карл ждет.

Блатной отступился.

– Открой, – сказал Карл хозяину, вставая со стула и потягивая спину.

Мужчина вошел, следом за ним девушка.

– О, да ты не один! – Карл пожал руку пожилому мужчине, похлопал его по спине.

– Прости, невыкрутка, застрял в пробке и ни туда, ни сюда.

– А телефона нет?

– Разрядился, чтоб он неладен был!

– Ладно, присаживайся. А это что за красавица, прямо цыганка? Кармен какая-то. Лицо знакомое.

– Внучка моя Светлана.

Карл отступил на шаг, сощурил глаза, изучая внучку бизнесмена, торгующего сантехникой, Анатолия Ивановича Железовского.

– Не сразу признал. Ребенком еще недавно была. Незадача вышла. Волосы у нее теперь темные и кучерявые. Она же брюнетка, а звать Светлана. Непонятки, Толик, непонятки...

– Да кто ж ее знал, какая она будет, когда вырастет? Родилась, вообще волос не было, пушок светленький, и все.

– Я вас тоже помню. Маленькой на колени меня к себе садили, – Светлана Железовская, ничуть не смущаясь, оглядывалась по сторонам, – и на скрипке я вам играла. Вы еще сказали, что у вас виолончель итальянская дома есть. Вас Олег Карлович зовут, вы приятель моего деда. Почему же вы теперь Карлом называетесь?

– Я и тогда Карлом назывался. А теперь не лезь, Светлана, во взрослые разговоры.

Все казалось девушке удивительным – и мужчина, метнувшийся наперерез деду, и Карл, которого она видела последний раз лет пять тому назад, он стал теперь такой же седой, как ее дед, и красивый парень с бледным лицом в черных очках, и бармен, слишком уж солидный для такого маленького заведения.

Карл не сказал Анатолию Железовскому «садись», не принято это слово у бывших эзков. Он просто кивнул, сделал едва заметный жест рукой, и Анатолий присел за стол, но не за тот, где расположился Бунин, а за соседний. Бизнесмен, приехавший с внучкой, передал пакет кассиру.

– Книги я тебе привез, Карл.

– Книги? – не сразу сообразил смотрящий.

– Те, что должен был сегодня отдать.

– А... да, мой человек их просмотрит.

Кассир с пакетом исчез в задней комнатке, а Светлана подошла и села на место Карла прямо напротив Николая.

– Дед, – обратилась она к Железовскому, – у меня денег нет, а я кофе хочу.

– Мы не долго, – строго произнес Железовский.

– Ну что ты так! Нельзя отказывать молодой красивой девушке. Нельзя ее обижать. Сделай кофе, – Карл говорил тихо, но его все слышали.

– И мне, – вставил Бунин.

Карл и Железовский переговаривались тихо, казалось, они просто сидели и глядели друг на друга. Каждый из них видел что-то свое, но вспоминали они одно и то же.

– Тебя как зовут? – первой спросила Светлана.

– Николай, – ответил Бунин.

– Мое имя ты уже слышал – Светлана.

– Слышал.

– Ты для прикола очки носишь? Или... – девушка замялась.

– Нет, я слепой, – без тени смущения сказал Бунин.

– Извини, я сегодня взбалмошная. Сама не знаю, что говорю.

– Ничего страшного. Я привык к этому, а раньше я видел.

– Совсем-совсем не видишь?

– Я не вижу тебя, только слышу.

– Как интересно! Музон какой-то знакомый, – вдруг сказала Светлана и принялась перебирать пальцами по столу, словно играла на пианино.

– Шуман, попсовая обработка, – сказал Бунин, глядя на тонкие без маникюра пальцы Светланы.

– Похоже, точно, Шуман! А ты меломан? – уже заинтересовавшись Николаем, спросила девушка.

– Люблю музыку.

– Может, ты еще и играешь?

– Немного играю.

– На чем, если не секрет?

– На клавишах, на рояле.

– Я на скрипке, – призналась девушка. – И честно тебе скажу, надоела мне моя скрипка, как горькая редька. Если бы не дед, я бы уже послала всю эту музыку. Но он меня пилит по-черному, каждый день заставляет заниматься.

Бунин смотрел на Светлану и видел, что она не совсем понимает, в какой компании оказалась.

«Наверняка дед ее оберегает, балует, вот и смотрит девчонка на мир через розовые очки».

– Он у тебя музыкант?

– Какой музыкант, сантехникой торгует! Музыканта нашел. Король унитазов, умывальников начальник. Ну, это я шучу. Он просто клевый, суперный дед, я бы без него пропала. Дед меня сегодня брать не хотел, а я увязалась, он мне ни в чем отказать не может. И чего он упирался? Всех-то дел было Олегу Карловичу книги передать. А какие книги, даже не сказал.

Бунин поздноватое понял, что девушка ему уже успела понравиться.

«Не так чтобы очень, Светлану красавицей не назовешь, высокая, тонкая и... какая-то нервная. Тонкий нос, большие глаза, чувственный рот и волосы, похожие на черную гроздовую тучу», – Бунину захотелось дотронуться до них, на вид они были мягкие. Даже зуд появился на кончиках пальцев.

Светлана красиво держала чашку в длинных чувствительных пальцах, красиво поворачивала голову на тонкой шее, красиво и немного грустно улыбалась. И Бунин понимал, почему

ее улыбка немного грустная – она его жалеет. Она свято уверена, что он слепой. Он чувствовал, что девушке хочется спросить у него, но она не решается. Бунин даже вопрос угадал: обычное желание зрячего узнать, как воспринимает мир человек, лишенный зрения.

Но вопрос задать Светлана Железовская не успела, как и не успел спросить у нее номер телефона Бунин. Она в свою очередь подумала, что если напишет телефонный номер на бумаге, то Николай и прочесть его не сможет.

– ...если что, не стесняйся. Твое опоздание сегодня – это ерунда. Я ведь тебе по жизни должен, – тихо сказал Карл, глядя в глаза Железовскому. – С тобой мне тяжело рассчитаться будет.

– Ладно, не надо. Мы уже люди в возрасте, видишь, внучка какая? – Железовский повернул голову и помрачнел, увидев, что Светлана болтает с парнем в темных очках.

Кто может сидеть в баре вместе со смотрящим? Молодой жулик. Кому же захочется, чтобы его внучка связала свою жизнь, как поется в песне, с преступным элементом?

Железовский встал:

– Прости, что задержался. Не получилось вовремя приехать, больше не повторится. С другого ты бы шкуру спустил.

Карл покусывал губу. У него на глубоких залысинах поблескивали капельки пота.

– Светлана, пошли.

Федор, хозяин бара «Лондон», подошел к двери и повернул ключ.

– До встречи, – тихо, но так, чтобы услышала Светлана, сказал Николай.

– Надеюсь, – как бы между прочим обронила девушка, тряхнула головой, и ее черные волосы разметались по плечам.

Появился кассир и коротко сказал:

– И тут порядок.

– Тогда едем.

Карл редко кому жал руку, и хозяин бара в число избранных не входил, законный удостоил его еле заметного кивка.

– Ты теперь за девкой побежишь? Девка красивая, – подшучивая над Буниным, сказал Карл. – Я бы за такой красавицей... в твои годы... – законный махнул рукой, дескать, что я тебе рассказываю, у самого глаза есть, хоть и не все об этом знают. И тут же уже для кассира и для хозяина бара громко произнес: – Вот если бы ты ее видел, тогда бы понял, о чем я говорю, в следующий раз попроси лицо пальцами ощупать. На месте не усидишь.

Бунину хотелось выкрикнуть:

«Да видел я, видел! Нравится она мне, согласен я с тобой, и найду я ее, не сегодня, конечно, а завтра или послезавтра, и даже дед ее не отговорит со мной встречаться. Хотя он не простой „бизнесюга“, а, судя по всему, твой кореш, Карл».

Все, кроме хозяина бара, вышли во двор, быстро расселись по машинам. Три автомобиля, словно по команде, сорвались с места и через арку выехали в переулок. Серебристая «семерка» «БМВ» стояла напротив бара «Лондон» с уже работающим двигателем. Она дождалась двух блатных в черном и белом костюмах, которые на удивление быстро перебежали улицу и впрыгнули в автомобиль. Кorteж из четырех машин помчался по переулку.

– Все путем, слава богу, – сказал Карл, посмотрев на часы, – Монголу ждать не придется. Не любит он ждать.

Карл, как всегда, когда вез «филки», сам сидел за рулем «Волги».

– Слушай, а кто это был? – спросил Бунин, глядя на рубиновые огни передней машины.

Карл догадался, о ком спрашивает Николай, но в ответ лишь пожал плечами, словно не понял, кем интересуется крестник.

«Если не отвечает, значит, так надо», – решил Николай, приглаживая волосы.

Через полчаса corteж был уже за Кольцевой дорогой.

Подобная процедура повторялась два раза в месяц. Деньги сдавались в воровской общак регулярно, как в банк. Вор в законе, носивший погоняло Монгол, уже десять лет сидел на воровском общаке. Он никому не делал скидок. Общакковые «филки» – это серьезно и свято. Монгол год тому назад настоял на том, чтобы один молодой авторитет был раскоронован только за то, что играл в карты на предназначенные для общака деньги. Авторитет не проигрался в минус, ему удалось отыграться и «филки» привез вовремя, но он не имел права рисковать тем, что ему не принадлежало. Случай из ряда вон выходящий, даже старые воры не могли припомнить точно, когда в последний раз была раскоронация. Монгол уже не покидал свой дом-крепость несколько лет, прикованный болезнью к инвалидной коляске, но за делом смотрели его доверенные люди, смотрели строго и поблажек никому не давали.

Так уж сложилось, и Монгол не возражал, что Карл, поставленный смотрящим по одному из центральных районов, неизменно привозил «филки» на час раньше отпущенного срока.

«Я во всем люблю иметь запас», – объяснял законный.

Но уже истекал час с того момента, как в доме Монгола должен был появиться Карл, а того еще не было. Монгол знал, случись что-нибудь серьезное, ему бы дали «звон», поставили бы в известность. Карл не мог просто так сломать годами установившийся ритуал приезжать раньше назначенного. И тем не менее это случилось, казначей занервничал. На Карла он имел серьезные виды. Казначей лучше, чем кто другой, понимал, что сам он не вечен, болезнь съела его, и он уже много раз просчитывал в уме возможные варианты передачи общака от себя Карлу, более достойного вора на роль казначея он не видел. Монгол подозревал, что Карл постарается отказаться, но, в конце концов, никуда не денется, если братва так решит.

Монгол сидел у балконной двери в гостиной чуть меньше часа. Он даже послал доверенного блатного – Цыгана к «Лондону», посмотреть, не случилось ли беды. Карла все еще не было.

Казначей смотрел в окно на летний закат. Рядом с инвалидной коляской стоял хромированный штатив с капельницей. Игла была воткнута в вену левой руки, и Монгол иногда, скосив зрачки в узких щелках глаз, смотрел на то, как розовая прозрачная жидкость, похожая на молодое вино, капля за каплей втекает в его тело. Жидкости в бутылке становилось все меньше и меньше, а Карл все не появлялся.

Рядом с инвалидной коляской на столике лежал мобильный телефон. Стоило взять его в руку, набрать Карла и узнать, что с ним. Но казначей воровского общака к трубке не притрагивался. Час еще не прошел, и позвонить Карлу – значило показать, что ему не доверяют. Смотрящий был вправе приехать и минута в минуту.

Уже третий год в доме Монгола жил врач. Раньше хватало одного-двух визитов в неделю, а с тех пор как казначею пришлось обзавестись инвалидной коляской, помощь могла понадобиться в любой момент. Монгол до последнего времени цеплялся за жизнь, в душе надеясь, что произойдет чудо и он вновь станет хозяином своему одряхлевшему телу. Но с полгода, как что-то сломалось в нем, он перестал бояться встречи со смертью, смирился с ее неизбежностью. И вот тогда... он не выздоровел, нет. Болезней в его организме скопилось так много, что врач иногда даже терялся, не зная, с какой бороться в первую очередь. Но произошла стабилизация.

«Теперь я мумифицировался и буду жить вечно», – шутил Монгол.

Изредка он позволял себе выбраться из коляски, пройти по комнате, лечь в кровать. Спал Монгол мало. Диагнозами перестал интересоваться.

Окна в доме раньше открывались редко, элементарного сквозняка могло хватить для того, чтобы Монгола свалила пневмония. Тюрьма – не курорт, оттуда здоровыми не выходят. Оттуда выносят тяжелые воспоминания и зачастую неизлечимые болезни. Теперь же казначей позволял себе иногда посидеть у открытого балкона. За решеткой в сырых камерах и холодных бараках Монгол провел немало – четыре ходки было за плечами. Во вторую его короновали. Вспоминать тюрьму и лагеря Монгол не любил, хотя его память хранила все – имена, погоняла,

запахи, погоду. Он помнил номера камер, в которых «парился», и если бы захотел, то смог бы восстановить любой из дней, проведенных в тюрьме или лагере или в вагоне на этапе.

Но зачем себя изнурять страшными воспоминаниями? Жизни и так осталось мало.

Дверь в комнату открылась, в балконном стекле отразился лысый блатной с оттопыренными ушами и странным погонялом Чук, тихо произнес одно лишь слово:

– Карл.

Пальцем правой руки Монгол подозвал Чука и показал, чтобы тот переставил капельницу, подкатил кресло к дивану. Карл вошел, черный плащ накинут на плечи, кепка зажата в руке. На одутловатом мучнисто-белом лице Монгола появилась улыбка, не вымученная, не поддельная, а искренняя, так Монгол улыбался редко кому.

Карл приблизился, и они поздоровались. Карл, сжав пальцы Монгола, ощутил, что рука у того влажная, холодная, хотя Монгол постарался, чтобы его рукопожатие оказалось сильным.

– Располагайся, – слабым голосом произнес Монгол. – Проблемы были?

Карл бросил на край дивана плащ, сел, закинул ногу на ногу, провел ладонью по седому ежику волос.

– Не гони, Монгол, я вовремя, – смотрящий постучал ногтем по циферблату часов, – секунда в секунду.

– Все решилось? – не получив ответа на первый вопрос, Монгол задал второй.

Карл кивнул и улыбнулся:

– Знаю, что ты ждал. Рамсы разводил.

– Выпьешь? Закусишь?

– Я не один.

– А с кем? – Монгол наморщил лоб, сдвинул к переносице брови. Пальцы правой руки зашевелились.

– С крестником.

Монгол улыбнулся. Все, что было связано с Николаем Буниным, его радовало.

– Почему в дом не позвал? Мои пацаны его пропустили бы без базара.

– На улице курит. Нравится ему у тебя, слушает, как сосны шумят.

Монгол хмыкнул:

– Шум хвои, конечно, приятный, успокаивает, но я его на лесоповале наслушался вдоволь. Да и ты тоже. Пусть его минует чаша сия, пусть его бог хранит. Хотя он и там не пропадет, твоя у него закалка – крепкая, – рассудил Монгол.

При этом он наблюдал за выражением лица Карла. А тот играл дорогой зажигалкой, вертя ее в пальцах, зажигалка то исчезала в ладони, то появлялась. Монгол даже залюбовался, и не ловкостью, а изяществом, артистизмом, с каким Карл все это проделывал.

– Не забываешь ремесло? Репетируешь?

– Не забываю, – ответил Карл, – на трамвае регулярно катаюсь.

– Оно и правильно. С ремеслом оно всегда проще и спокойнее. И неважно, какое оно, главное, делать это лучше других. Да что я перед тобой распыляюсь, ты это и без меня знаешь. Я твоего крестника уже месяца три, наверное, не видел. Позвал бы.

– Ты приглашаешь здесь, а не я, – ответил Карл. – В другой раз вместе с ним зайдем.

– Знаешь, Карл, – уже серьезно произнес Монгол тем голосом, от которого у блатных, прошедших зону, мурашки по спине бежали, – другого раза может и не быть.

Карл подался вперед, пристально посмотрел в глаза Монгола:

– Ты чего это?

– Карл, слабею. Тяжело признаться, но на кровать без чужой помощи залезть не могу. Мало мне осталось. Ну да ничего, надеюсь, успею, – глаза у Монгола сверкнули хитрым огнем.

– Что успеешь, Монгол? О чем это ты?

– Я все о том же: готовься дела мои принимать. Вот сдам их тебе, может, легче станет.

– Мне казалось, что ты поздоровел, в силу вошел. Спокойно, – Карл протянул вперед ладони. – Ты мне это уже третий год втираешь, и жив-здоров пока, слава богу.

– Вот именно, слава богу, – Монгол погрозил Карлу пальцем, но при этом лицо его стало невероятно серьезным.

– Пройдет еще год, и мы с тобой это дело обмозгуем, – сказал Карл и положил ладонь на плечо Монгола. – Ты раньше смерти в яму не лезь и до расстрела не умирай.

– Я знаю, – отрезал Монгол. – Я хочу, чтобы ты, Карл, сказал мне «да». Потому как насильно счастлив не будешь, да и тебе пора с показательными выступлениями в трамваях да переходах завязывать. Если я слово закину, то поставит тебя братва на общак.

– Я вор – щипач, – сказал Карл, затем повторил громко и отчетливо: – Вор! Я в банковских делах мало смыслю.

– Я тебя научу, – прошептал Монгол. – Я ведь тоже вор, – громко, почти выкрикнул Монгол, – и тоже не родился казначеем. Или ты забыл, что я вор?

– Не хочу я этого, – выдохнул Карл. Ему захотелось закурить.

– Ладно, подумаю, – вдруг смягчился Монгол, и его напряженное лицо, до этого застывшее, как гипсовая маска, немного расслабилось. – Так ты подумай, Карл, – произнес Монгол, протягивая руку, – и не удивляйся, если слух среди братвы пойдет, что я тебя на ближайшем сходняке предлагать стану. Так надо.

Карл пожал холодную ладонь, кивнул на прощание и тоже улыбнулся, давая понять казначею воровского общака, что напрасно тот гонит волну, что жить ему еще долго.

И Монгол понял, что Карл в своем поступке абсолютно искренен и не пытается его обмануть, а по-настоящему желает ему здоровья, того самого, которого Монголу не доставало.

Бунин ждал Карла, сидя на крыльце, с погасшей сигаретой в пальцах. В темных стеклах очков отражался закат, бледное лицо казалось золотым. Такими же были и руки с длинными, чуткими пальцами музыканта. Бунин слышал, как открылась дверь, но голову не поворачивал, продолжая играть роль слепого.

– Пойдем, – сказал Карл, тронув его за плечо.

Они сели в машину.

– Ну, как Монгол? – спросил Николай.

– Тебя хотел видеть.

– А... – задумчиво протянул Бунин.

– Надеюсь, еще увидите.

Бунин кивнул. Машина выехала за ворота и помчалась к Москве.

Глава 3

Наступившее тюремное утро в Бутырке не отличалось от всех остальных, похожих друг на друга, как облезлые бетонные коробки хрущевки в спальном районе. Шныри повыползали из-под нар – с так называемого «вокзала» и принялись за уборку камеры. Ночью влажность стояла такая, что с вечера даже не успел просохнуть бетонный пол. Арестанты, неразговорчивые после сна, приводили себя в порядок. Вентилятор, переданный с воли, гонял по камере затхлый воздух, настолько спертый, что казалось, он прилипает к лицу.

Кувалов, стараясь не афишировать своего интереса, следил за очкариком. Тот, не поднимая подушки, небрежно заправил постель и уселся поверх одеяла, сложив по-турецки ноги.

«Книжку читает, – со злобой подумал Кувалов, – про бабу свою думает. Только хрен она тебя дождется, если ноги у нее от ушей растут. Такой товар – нарасхват».

Наконец в камеру заехал баландер с тележкой. Арестанты тут же оживились. Не так хотелось есть, как появилось у сидельцев хоть какое-то осмысленное дело. Тюремная пайка для человека, не так давно покинувшего волю, – несъедобна, да и продуктов, переданных родственниками, обычно хватает. Однако есть ритуалы тюремной трапезы. На каждого заключенного положена на день половина буханки черного хлеба – чернушки. Хлеб всегда привозят и раздают буханками. Дележ хлеба на равные части особое искусство. Чем разрежешь, если ножи в следственных изоляторах запрещены? На каждое «нет», «запрещено», «не положено» у арестантов существует свое решение. Хлеб режут толстой натянутой ниткой. И если тот, кто делит буханку с соседом, разрезал не пополам, это еще пол-беда. Просто он обязан отдать большую часть, а меньшую взять себе. Но упаси бог взять себе большую. Этим премудростям первоходов – впервые оказавшихся за решеткой учат сразу же, когда они попадают в камеру.

Очкарик больше всего боялся нарушить одну из неписаных заповедей тюремной жизни. Вчера ему повезло, что не успел договорить, куда именно он хотел бы отправить одного из мужиков. Могло бы кончиться плохо, произнеси он хоть первую букву слова из трех букв или добавь хотя бы к слову «пошел» простенькое «на...». «На баню» не ходят, ходят «в баню». Поэтому очкарик-первоход старательно семь раз примеривался, прежде чем перерезать суровой ниткой буханку хлеба, а потом без сомнений отдал соседу ту часть, которая показалась ему большей.

Кувадла терпеливо ждал. Его чуть выцветшие голубые глаза прятались за прикрытыми веками. Он якобы смотрел телевизор, половина камеры собралась у «ящика», чтобы посмотреть утренний повтор криминальной хроники. Другая половина не смотрела только потому, что видела этот выпуск вчера. Доброхоты подсказывали, на что стоит посмотреть внимательнее в оперативной съемке:

– Братва, смотри, как он сейчас менту ввалит, только шлем отлетит.

И точно, на экране телевизора худосочный парень, только что передавший подсадному покупателю наркотик, оказывался перед лицом оперативника, переодетого мотоциклистом. Двое ментов в штатском уже схватили его сзади. Паренек, еще не понявший, что его схватили милиционеры из отдела по борьбе с незаконным оборотом наркотиков, а не «нарки», пожелавшие отнять товар, ударил мотоциклиста ногой в голову. Шлем покатился к оператору, ведущему оперативную съемку.

– Конкретно врезал.

Если бы в камере был видеомагнитофон, то и без криков «бис» фрагмент повторили бы.

– Я убегать от мусоров могу, прятаться могу, но если уж взяли, то сразу сдаюсь, – прозвучал хриплый голос, – неохота еще один срок на себя вешать.

– Сразу – руки-ноги склеиваешь и мертвым притворяешься?

– Почему бы и нет? Если ты махалово устроишь, ментам это только на руку.

День шел своим чередом, в разговорах, играх, без всяких косяков...

Очкарик отложил книжку, дочитав ее до постельной сцены, у него не выходила из головы блондинка, оставленная им в Саратове. Так явно ему представилось, что красотка сейчас с другим мужчиной и ублажает его так же, как и его самого, что усидеть на месте он не смог – соскочил с нар и поднял подушку. Знал, что сигарет у него почти не осталось – две штуки, потому и тянул с курением ближе к вечеру.

Очкарик застыл: рядом с двумя завернутыми в газетную бумагу плоскими «приминами» рассыпью лежали четыре сигареты «Мальборо» с желтыми фильтрами. Он простоял с подушкой в руках совсем недолго – пару секунд, а затем быстро положил подушку на место. Он уже хотел было присесть, обдумать, что бы это значило, как тут раздался вкрадчивый голос смотрящего:

– Очкарик, ты чего там под подушкой от братвы прячешь?

– Ничего... – пробормотал парень, нервно поглядывая на оторвавших взгляды от экрана сидельцев, – вы чего на меня смотрите?

– Так уж и ничего, – усмехнулся Кувалов и неспешно подошел к шконке, – от братвы что-то заныкал? Делиться всегда надо. Забыл? Вчера ты «подогрел», завтра тебя «подогрели».

К первоходу в камере относились терпимо. После того, как он прошел «прописку», ознакомившись с основными «понятками» со слов смотрящего Кувадлы, тут же отдал на общак припрятанные в кроссовке деньги – целую тысячу рублей и две пачки сигарет из трех, оставшихся у него после «сборки». С тех пор он старательно выполнял все, что предписывали тюремные «законы»: делился дачками, не поднимал ничего с пола, не справлял нужду, если кто-то в камере принимал пищу...

– Подними подушку, – смотрящий пока еще говорил вкрадчиво, без особой угрозы, словно обращаясь к нашкодившему подростку, – чего ждешь?

Очкарик взял самодельную подушку, сооруженную из куртки, двумя руками и прижал к груди.

– А вчера говорил, что на воле к «Мальборо» привык, не можешь «Приму» курить. Братва, все слышали?

– Слыхали. Был такой базар.

– А я-то думаю, куда у меня за ночь сигареты пропали, которые мне адвокат передал? Уж подумал, что ночью сам скурил. Только я этих бабских не курю.

У очкарика дыхание перехватило от страха, он не мог выдавить из себя и слова в оправдание.

– Я... я... – шептал он.

– Братва, – Кувалов поднял над головой зажатые в пальцах сигареты, – крыса на хате! У меня скрысятничал, отвечаю.

Глаза у первохода округлились, сделались чуть ли не такими большими, как и линзы очков, вернулся голос.

– Да я, мужики... не брал...

– Хата крысу не потерпит! – послышалось со всех сторон.

Кувалов ударил очкарика кулаком в солнечное сплетение и тут же добавил коленом в пах. Он не опасался ответного удара, парень был парализован страхом и даже не помышлял защищаться. Смотрящий отступил на шаг. Первоход, перегнувшись пополам, несколько секунд еще сохранял равновесие, а когда падал, Кувалов толкнул его изо всей силы в спину. Послышался хруст очков. Когда первоход приподнял голову и подслеповато прищурился, он тут же получил удар в затылок. Один из «шестерок» Кувалова уселся на нем верхом и бил парня лицом о бетонный пол. Потом в его пальцах Кувадла заметил тонкое лезвие, выломанное из пластикового бритвенного станка, перехватил вопросительный взгляд.

– Только не «мочить», – властно проговорил Кувадла, выходя из обступивших очкарика арестантов.

Били парня не долго, уже через минуту на коридоре послышались торопливые шаги «рекса». «Шестерка» за уши приподнял голову парня с пола и заглянул в залитые кровью глаза:

– Если скажешь, кто бил, – тебе не жить. – И с ловкостью кота отскочил в сторону...

Когда дверь в камеру открылась и на пороге появились вооруженные дубинами коридорные, то все арестанты уже жались по углам. Посреди камеры, напротив своих нар лежал первоход, вокруг его головы уже успела натечь небольшая лужица крови. Он скреб ногтями шершавый бетон пола.

– Заснул и со шконки, со второго яруса свалился, – спокойно пояснил один из «шестерок», – все видели.

– Именно так и было...

– Сам видел...

– Спал он, гражданин начальник.

Зазвучали голоса, сперва неуверенно, а потом все громче. Но мгновенно стихли под злобным взглядом «рекса».

– Вы у него спросите, – посоветовал «шестерка» из блатных.

– Обязательно спросим, – пообещал «рекс», – а ты, Кувалов, если что, ответишь.

– Я упал, сам упал... – чуть слышно проговорил парень и замер.

– Не сдох. Дышит, – резюмировал «рекс» в камуфляже.

Кувадла сжал в пальцах сигареты, сломал их, растер в порошок. Он прекрасно знал, что ждет первохода в будущем, если, конечно, лепилы постараются и склеят его. В больничке его никто не тронет, но зато потом, в какую бы хату его ни определили, там уже будут знать о крысе. За крысятничество спросят по полной. Никого не будут интересовать оправдания – кто ж сам признается в краже у сокамерника, да еще не у простого арестанта, а у смотрящего. Первохода опустят, и потом весь срок проведет он в петушином углу. Поскольку тюремный телеграф сообщит о нем все на любую, даже самую далекую зону.

Коридорные подхватили первохода под руки и выволокли за дверь. Тащили безглаголиво, опасаясь перепачкаться в крови, положили потерявшего сознание парня под стену.

– Сообщи Барсукову, пусть пришлет санитаров забрать. – Коридорный, схватив дубинку за концы, немного выгнул ее, стальной стержень, залитый в резину, пружинил.

Барсуков наконец относительно успокоился – неопределенность миновала. В тюремную больницу уже поступил пострадавший. Если верить словам сокамерников, получалось, что он заснул и спящий свалился с нар. Сколько таких «случайно упавших» повидал врач на своем не таком уж длинном веку. С первого взгляда было понятно, что их избивали изошренные, знающие в этом деле толк блатные. Но и сами жертвы умоляли поверить им, что никто их и пальцем не тронул. Сдать истязателей ментам – верная мучительная смерть.

Хоть и были в распоряжении Барсукова двое дипломированных врачей из арестованных, работавшие в больничке санитарями, он сам вызвался осмотреть только что прибывшего парня.

– Бывало и похуже, – шептал Петр Алексеевич, – нос сломан. Скорее всего сотрясение мозга и, возможно, трещина в затылочной части черепа. На лице придется накладывать швы. Повезло тебе, – проговорил врач так и не пришедшему в себя пациенту, – вся кожа при тебе осталась. Если бы клок выдрали, пришлось бы стягивать. Тут никто пересадкой заниматься не станет. Александрович, наложишь швы, – бросил он санитару, бывшему на воле заведующим хирургическим отделением районной больницы и угодившему в Бутырку по подозрению в копеечной взятке.

Александрович еще не утратил человеческого сострадания, в СИЗО находился только два месяца. Он сперва сделал простейшую анестезию и только после этого стал ставить металлические скобки. Помогал ему в этом коллега, сдвигавший края рассеченной кожи пинцетом.

Воры, обосновавшиеся в «больничке» со вчерашнего дня, преспокойно играли в «стиры» – самодельные карты. На кон ставили немного, по десять баксов. Деньги, естественно, на виду не лежали, хотя при желании они могли бы позволить себе и это.

– Еще кон? – спросил Шнур, шестидесятилетний законник, он сидел на больничной кровати, облаченный в широкую белую рубашку, в разрезе которой покачивался огромный нательный крест темного дерева на довольно толстом шелковом шнурке.

Конечно, цепи из ценных металлов, прочные шнуры запрещены тюремными правилами. Но у кого из простых «рексов» и даже у тюремного начальства хватит смелости сказать законнику, чтобы снял нательный крест? У каждого есть жена, дети, каждый ходит по улице. Никто не хочет случайной трагедии. Вор, даже находясь на зоне, за тысячи километров от Москвы, продолжает держать в руках ниточки – дерни за одну из них, и нет человека. А уж если он в Бутырке, то и ждать мести долго не придется, все случится в один день.

– Вдвоем толком не поиграешь, – отозвался Хазар, худой старик с золотыми зубами и ярко выраженной семитской внешностью.

Под расстегнутой дорогой спортивной курткой виднелись просвечивающие через кожу ребра и выколотый на груди Георгиевский крест с аксельбантом, свидетельствующий, что законник Хазар принимал участие в лагерном бунте.

– Дьяка будить не станешь, – отозвался Шнур, – он когда спит, то лучше его не трогать. Сон для него святое. Однажды «дубаку» врезал, когда тот пришел его к куму звать.

Хазар вздохнул и раздал «стиры». Воры могли бы позволить себе и настоящие фабричные карты, все можно купить за деньги, даже находясь за решеткой, но самодельные «стиры» были для них привычней. Они вели себя так, словно одни находились в послеоперационной палате тюремной больницы, хотя тут был народ и кроме них. Вдоль стены тянулся длинный ряд одинаковых кроватей. На них лежали, укрывшись серыми казенными одеялами, арестанты. Большинство из них пострадало во время тюремных разборок. Кое-где высились штативы с капельницами.

Шнур взял в руки карты, всего на мгновение распустил их веером и тут же сложил. Взгляд его оставался бесстрастным. Хазар тоже умел прятать свои чувства, но по тому, как покраснел кончик его хищного загнутого носа, Шнур понял, что противник настроился на выигрыш.

В палату на каталке ввезли очкарика, сопровождал его сам Барсуков. Двое санитаров из арестантов, особо не церемонясь, перегрузили первохода на кровать. При появлении врача воры даже не подумали прятать карты, хотя азартные игры строгойше запрещены тюремными правилами. Но даже последний «дубак» из конвойных знает, что нужно дать довести до конца кон, а уж потом забирать карты и тащить нарушителя-авторитета в карцер. Лишь после того, как Хазар в очередной раз выиграл, Шнур повернул голову. Барсуков уже ушел, у пострадавшего пока еще оставался Александрович – прилаживал капельницу.

– Кого привезли? – бесцветным голосом поинтересовался Шнур.

Александрович только плечами пожал, он понимал, что рассказывать о том, сколько швов пришлось наложить и какое состояние у пострадавшего, не стоит – законника интересует другое.

– Узнай, – сказал в пространство Шнур.

Он мог и сам позвать шныря, орудовавшего в коридоре мокрой тряпкой, но снизить до этого не хотел. Александрович вернулся быстро и рассказал все, что стало ему известно о первоходе – от статьи, по которой его «закрыли», до номера хаты.

– Крыса, значит, – осклабился Шнур, в глазах запрыгали искорки, но тут же погасли.

– Барсуков распорядился реанимобиль к нему из города вызвать, пошел у «хозяина» «добро» просить, – на всякий случай сообщил Александрович.

– За что крысе такая честь? Когда я ночью от прободной язвы подышал, то только наутро лепила пришел. Может, он свидетель ценный, дружков-подельщиков ментам сдает?

– Нет, просто Петр Алексеевич боится, что его трогать нельзя, может не доехать, – уже отказавшись от попыток вставлять в разговор блатные словечки, сказал санитар с дипломом.

Шнур задумался, жизнь научила его усматривать в мелочах большой смысл. Если что-то происходит не совсем так, как обычно, значит, возникло подводное течение. Он переглянулся с Хазаром, тот чуть заметно кивнул, что означало: и я так думаю.

– Пусть Кувадла решает, что с ним делать. Если захочет, совет мы ему дадим.

– Так будет справедливо, – подтвердил Хазар и сделал Александровичу знак, чтобы исчез.

– Мутка какая-то, – проговорил Шнур, приблизившись к Хазару так, что они почти соприкоснулись лбами.

– Сперва малява от Монгола пришла, – прошептал Хазар, – а теперь реанимобиль придет посреди ночи ради крысы. Ты прав, мутка. Думаешь...

Обычно за решеткой не принято интересоваться, кто и про что думает. Здесь каждый отвечает только за себя. Скажешь не то, после ответишь.

– Вскрытие покажет, – невесело улыбнулся Шнур, – если кто решил «на лыжи» встать, мы бы знали.

– Отморозков теперь хватает... – заметил Хазар и принялся сдавать «стиры».

Дьяка будить он так и не решился.

* * *

Вызов реанимобиля в Бутырку из двадцатой больницы был делом исключительным, но вполне объяснимым. Именно в «двадцатку» доставляют арестантов, если им не могут помочь в тюремной больнице.

Уже было немного за полночь. Реаниматолог – доктор Иванов спустился к машине в сопровождении дюжего ассистента и хрупкой женщины-медсестры в белом халате. Она держала в руке блестящий чемоданчик, украшенный красным крестом. Ассистент был молод и, возможно, поэтому постоянно улыбался, глядя на стройные ноги женщины, выглядывающие из-под короткого халата.

Иванов сел рядом с водителем. Микроавтобус неторопливо выехал с больничного двора с выключенными мигалкой и сиреной. Не успел ассистент и подмигнуть медсестре, которая ему нравилась, как в окошко, отделяющее водительскую кабину от напичканного медицинским оборудованием салона, просунул голову доктор Иванов.

– Забыл сказать. По дороге мы подберем моего коллегу, мне без него не обойтись, вы уж будьте с ним полюбезней, – сказал Иванов и тут же задвинул матовое стекло, словно боялся, что его начнут расспрашивать.

– Однако, – произнесла медсестра, – ты знал?

– Первый раз слышу, чтобы Иванов сам не мог справиться. – И тут же ассистент расплылся в улыбке. – Лучше не думай об этом. У каждого из нас есть свои тайны.

– У меня тайн нет.

– А у меня есть несколько страшных тайн. Одна из них, что я равнодушен к красивым женщинам. Один вид открытой до середины бедра женской ноги приводит меня в состояние...

Медсестра тяжело вздохнула:

– И это говорит медик? Настоящий медик должен уметь абсолютно равнодушно воспринимать человеческое тело.

– Я так не считаю. Например, для меня оперировать мужчин и молодых женщин совсем не одно и то же. Мужика и старуху режу спокойно, а прежде чем разрезать нежную женскую кожу...

Договорить и выяснить отношения им не дали. Реанимобиль затормозил. Боковая дверца отъехала, и в салон неумело забрался крепко сложенный мужчина в накинутом на плечи белом

халате. Чувствовалось, что внутри подобной машины он оказался впервые, хотя, если верить словам доктора Иванова, мог бы и его самого поучить.

– Доброй ночи, – хрипло произнес он и огляделся, где бы присесть.

– Доброй... – ассистент опустил откидной стульчик и пригласил: – Присаживайтесь.

Он мог бы предложить гостю место и получше, но тогда бы тому пришлось сидеть, касаясь медсестры плечом.

Мужчина опустил голову, потер небритый подбородок, поставил на колени серебристый кейс с красным крестом, почти такой же, как у медсестры.

– Любите работать только со своим инструментарием? – осведомился ассистент.

– Что? – вздрогнул мужчина, но, словив взгляд, брошенный на его чемоданчик, тут же исправился: – Конечно. Как говорится, все мое ношу с собой. – И он улыбнулся краешком губ.

– Omnia mea mecum porto, – повторил на латыни ассистент и улыбнулся в ответ.

На лице «коллеги» доктора Иванова промелькнула растерянность, он явно не понимал, как ему реагировать на услышанное.

«Он что, латыни совсем не понимает? – изумился медик. – Я эту пословицу еще на первом курсе выучил. Как он только рецепты выписывает? Стой, – тут же остановил он себя, – у каждого из нас есть свои секреты. Так зачем мне лезть в секреты собственного шефа. Если ему понадобился консультант, не знающий латыни, то так и должно быть».

Медсестра от нечего делать рассматривала гостя.

«Умный взгляд, решительный. Не трус. Хотя трусов среди хирургов и реаниматологов мне еще не приходилось встречать. Однако от него слишком сильно пахнет одеколоном. Медики никогда себе такого не позволяют».

– Вы хирург? – спросила она.

Ассистент тут же с укором посмотрел на коллегу.

«Ну чего ты лезешь к человеку? Разве не видишь, что ему не хочется отвечать?»

– Неужели Иванов не сказал вам, кто я? – пассажир вскинул брови. – Тогда извините, меня Артемом Дмитриевичем зовут.

Чувствовалось, что произносить собственное отчество он не привык, выговорил его с трудом.

Оконное стекло было полосатым – прозрачная полоска и матовая, матовая и прозрачная. Артем Дмитриевич подался к задней дверце и, убедившись, что «Гранд Чероки» свернул на повороте, прислонился к стене.

– Скоро приедем, – сказала молодая женщина, – а меня Ларисой зовут, когда ко мне по отчеству обращаются – не люблю.

– Тоже правильно. И я не люблю. Где Бутырка, я знаю, хотел в окно глянуть, далеко ли заехали.

– Нас и привезут, и назад доставят, – пообещал ассистент.

– В Бутырку брать билет в один конец опасно, – хохотнул небритый.

Машина сбавила скорость, остановилась. За окнами было очень светло, почти как днем. Тюремные ворота освещались не хуже стадиона во время телевизионной трансляции. Когда автомобиль въехал, ворота закрылись. Вначале доктор Иванов беседовал с охранником, потом тот, сжимая в руке пропуска, заглянул в салон. Наметанным взглядом тут же определил, что в машине никто лишний не прячется.

– Можете ехать, – он вернул документы Иванову.

По тюремному коридору они шли в сопровождении двух охранников, вооруженных дубинками и газовыми баллонами. На ходу доктор Иванов вдел халат в рукава и знаком показал, чтобы его гость сделал то же самое.

– Мы торопимся, – обратился доктор к охраннику, когда ему показалось, что тот не спешит открывать решетку-перегородку.

Коридорный, прекрасно знавший доктора в лицо, тем не менее быстрее идти не стал. За годы работы в тюрьме он выработал свой ритм передвижения и не мог представить, что можно ходить по-другому. Если, конечно, не случилось «ЧП», а то, что один из арестантов может умереть из-за его медлительности, даже при большом желании конвойный не мог отнестись к чрезвычайным происшествиям. Как все работавшие в тюрьме, он воспринимал сидельцев исключительно как человеческий материал. Иначе и невозможно. Если начнешь вникать в чужие беды и проблемы, а их за решеткой на каждую душу найдется не один десяток, то просто сойдешь с ума – голова взорвется от ужаса сопереживания.

Больничную палату заливал синий ночной свет, противный и липкий. Когда отворилась дверь и конвойный подвел к кровати очкарика-первохода доктора Иванова и его бригаду, законник Хазар недовольно пробурчал:

– Спать не дают. – И сел на кровати.

– Включите свет! – распорядился доктор Иванов.

Он говорил громко, словно в послеоперационной палате не было настоящих больных в тяжелом состоянии. Вспыхнули яркие лампочки под высоким сводчатым потолком. Очкарик уже пришел в себя – сознание вернулось к нему. Он смотрел на мир одним глазом, который не мог закрыть – рассеченную бровь подтягивали металлические скобы, поставленные санитаром Александровичем. Второй глаз заплыл, да так сильно, что даже многоопытный Иванов не мог сразу сказать, есть ли он вообще.

– В операционную его! Там и посмотрим, – жизнерадостно сообщил Иванов, будто надеялся на какое-нибудь веселое открытие.

– Шнур, секи, – шепотом проговорил Хазар и оттопырил мизинец, указывая им на «коллегу» Иванова.

– Сукой буду, да это же Артист, – чуть слышно прохрипел законный, приподнимаясь на локте, – халат белый нацепил. Вот тебе и мутка.

Санитары перегрузили очкарика на каталку. Доктор обратился к небритому мужчине:

– А вы, Артем Дмитриевич, пока можете осмотреть больного, о котором я вам говорил. Интересный случай. Когда понадобится, я вас позову.

– Спасибо, – прозвучал степенный ответ.

Первохода повезли в операционную. Охранник выходил последним.

– Я свет оставлю включенным, – пообещал он мужчине в белом халате.

– Конечно.

Хазар, еле дождавшись, пока охранник скроется с глаз, цыкнул на мужиков, отдохавших на ближайших кроватях. Те, кто мог, перебрались подальше от авторитетов, кто не мог, скрипя зубами, отвернулись. Несмотря на естественное любопытство, единственным желанием у них было – ничего не видеть и ничего не слышать.

– Артист, – в голосе Хазара звучало неподдельное восхищение, – проведать приехал?

Шнур смотрел на гостя настороженно и мял в руке шелковый шнур нательного креста. Дьяк, как оказалось, не спал, но даже не пошевелился, лежал с открытыми глазами, в которых не было и тени удивления. Будто вот так, запросто любой криминальный авторитет мог ночью с воли наведать тюремную больничку в Бутырке.

– Не забываю братву, – Артист поставил на кровать чемоданчик и поднял крышку, выставил четыре рюмки и фармацевтическую поллитровую бутылку с надписью «Хлористый натрий», – грев принес.

Хазар прикусил губу и вопросительно посмотрел на Артиста.

– Я тебя почти не знаю, только слышал. А слышал всякое, – холодно произнес Шнур.

– Кто говорил, тот пусть и предъявит, – попытался сохранить достоинство Артист.

– Присаживайся. Не торчи, – Дьяк сел на кровати, и стало понятно, что росту в нем никак не меньше двух метров.

Он был самым молодым из трех собравшихся в палате законных – тридцати пяти лет, двенадцать из которых он умудрился провести за колючкой. Артист картинно вынул из кейса тонкую пачку долларов – тысячи на две и положил перед Хазаром:

– На общак.

Хазар не моргнув глазом, без эмоций накрыл пачку необычайно широкой для такого худого тела ладонью, а когда поднял руку, пачки американских денег на одеяле уже не оказалось. Артист с уважением дернул волевым подбородком.

– Зачем пришел? – спросил Шнур.

– Грев подогнал, – немного растерялся обычно уверенный в себе Артист.

– Это я уже понял. Не слепой. Перетереть хотел?

Не собиравшись Артист первым начинать этот разговор, думал, хватит того, что он «лавэ» даст, после чего его самого и допустят на толковище. Но ошибся Артем Кузнецов по погонялу Артист. Воры деньги взяли и даже спасибо не сказали.

– Если нет чего перетереть, то будь здоров, разойдемся краями, – тихо сказал Шнур.

– Не спеши, – Хазар поднял руку, останавливая соседа по палате, – может, дело скажет. Пошли в «шушарку».

Санитар с дипломом безропотно уступил блатным свой небольшой кабинетик, хотя уже и задремал там на старом диване.

– Монгол маляву прислал... – начал Артист, когда они остались без посторонних ушей.

– Не тебе подогнал, а нам... братве, – уточнил Шнур.

– Он у вас спрашивает согласие на то, чтобы Карла казначеем общака поставить, – Артист говорил так тихо, что голос его растворялся в воздухе, едва слетев с губ.

– Может, и спрашивает, – заметил Шнур, чуть улыбнувшись, – тебе-то что? Тебя на толковище Монгол не звал.

– Я же такой, как вы. Я тоже коронован на вора.

– Кто тебя короновал, я знаю, – вставил Дьяк, и когда повел плечом, то из-под спортивного костюма показалась восьмиконечная звезда, – только ты законным за «лавэ» стал. Может, на воле тебя кто вором и считает, только не здесь, – Дьяк обвел взглядом осыпавшиеся стены, – на хате тебя бы в мужики определили, а там видно было бы...

– Да у меня бригада одна из самых крутых, – не выдержал Артист и тут же понял, что вновь ошибся, не стоило говорить про это.

– У вора бригады быть не может. Вор на авторитете держится. Базарим, а мне кажется, что не на толковище ты пришел, а «прописку» на хате получаешь. Сколько ходок за тобой? То-то, что ни одной.

Хазар покачал головой:

– Справедливо ты говоришь, Шнур. Но и Артисту есть что сказать. Он не последний в этом мире. Делом доказал.

– Нельзя Карла смотрящим за общаком ставить, – выдохнул Артист.

– Предъявить ему хочешь? – спросил Дьяк.

– Я про Карла ничего плохого не скажу, не слышал. Но теперь времена другие, Монгол по старинке живет. Теперь общак – это не золотые червонцы, в подполье закопанные. Ссмотрящим человек с новым мышлением должен стать, который и в банковском деле разбирается, и связи у него по всему миру должны быть. Деньги теперь крутятся, через оборот растут.

– И ты это нам объясняешь? – произнес Хазар. – Монгол считать умеет и за Карла ручается.

– Они оба из прошлого, – не выдержал Артист, – вокруг молодые и образованные, языки знают, за границей учились. Они их – стариков вмиг по деньгам сделают. Молодым дорогу давать надо.

– Смотри ты, – осклабился Шнур, сверкнув фиксами, – как лектор советский заговорил.

– Я же не себя предлагаю, – привыкший Артист, и его небритый подбородок пошел складками, – я о братве пекусь. Общак – это святое.

Шнур уже открыл рот, чтобы сказать, но Хазар поднял ладонь, чувствуя, сейчас пойдет косяк и лучше вмешаться.

– Кого предлагаешь?

– Пашку-Крематория, – выдохнул Артист.

– Знаем такого, – проскрипел Хазар, – но Карлу он не ровня. Только год, как коронован на вора в законе. И ходка за ним всего одна числится.

– Не я его короновал, – ухмыльнулся Артист, – ты, Хазар, об этом лучше Шнура спроси.

– Пашка-Крематорий и мой крестник, – неохотно подтвердил Шнур, – так что за него я отвечаю, но предлагать его не стану...

Законные смотрели на Шнура, ожидая продолжения, старый вор сглотнул набежавшую слюну:

– Вроде... был за ним один косяк. Но обошлось, не подтвердилось.

– Значит, и не было косяка. Пашка в финансах разбирается, под ним два банка с филиалами по всей России, партнеры за рубежом. На Западе татуированных бояться, а Крематорий держаться в обществе умеет. Он с любым договорится. Под него серьезные люди на Западе подпишутся. Сами видите, что сейчас в России творится. Менты да конторщики крышевать принялись. Что будете делать, если они в один момент все наши счета в стране перекроют?

– Выслушали мы тебя, – спокойно подытожил Хазар, – если сказал все, что хотел. Подушаем. Твое право предложить.

– Пашку ставить надо, он аналитик, – Артист почувствовал, что перед ним непробиваемая стена. Выслушали, деньги взяли, но сделают все равно по-своему.

Держать удар блатные научены, в этом не одно поколение следователей убедиться успело, и давить на них тяжело, если не бесполезно.

– На наше толковище тебя не звали, – напомнил Дьяк.

– Потому и пришел, чтобы совета спросить, – уже подобрел внешне Артист, хотя в душе ему хотелось послать воров старой закалки куда подальше.

Он уже объехал всех, на кого мог рассчитывать, настраивал за Пашку-Крематория, давил на то, что Пашка силен в легальном банковском бизнесе и команда специалистов у него серьезная. Пока получалось серединка на половинку. Молодые авторитеты, не сильно придерживающиеся понятий, считавшие, что старикам стоит отойти от активных дел, готовы были поставить на Пашку. А старики, те, кого короновали еще при советской власти, склонялись к тому, чтобы поддержать Карла. Да и Монгол его предлагал. Не хватало Артему Кузнецову нескольких голосов. Но хуже всего, что против Карла Артист ничего не мог предъявить. Не числилось за ним ни одного несправедливо решенного конфликта в криминальном мире. Рамсы разводил аккуратно, по справедливости.

– Я-то все понял, – Хазар кивнул, – а ты думаешь, мы не понимаем, что медвежатник, вскрывающий по ночам сейфы, и кроты, роющие подкопы под хранилища, это вчерашний день? Что теперь повсюду компьютеры-шмутеры и карточки пластиковые? И Карл это понимает не хуже тебя, и Монгол. Если братва посчитает, что Пашка-Крематорий казначеем станет, так тому и быть.

В дверь «шушарки» коротко постучали – стоявший на шухере арестант со сломанной рукой увидел, как открывается дверь операционной и из нее выкатывают тележку с первоходом.

– Пора, – попрощался Артист.

Долго воры не толковали. Хазар, устроившись на кровати, вытащил из шва рубашки тонкий капиллярный стержень и принялся отписывать Монголу ответ-маяву. Мог он воспользоваться и мобильником, припрятанным в матрасе, но был уверен, что менты взяли его на про-

слушку. Одно дело позвонить, чтобы передали на хату хрусты или подогнали водку, другое – сообщить, кого воры рекомендуют поставить казначеем общака.

Закончив писать, Хазар густо прошил сложенный в несколько раз лист бумаги суровыми нитками и склонился над одним из больных.

– Тебя завтра на операцию увезут. Передашь санитарке, у нее пятно красное на щеке с пятикопеечную монету.

Татуированный с переломанной ногой принял письмо и ловко пристроил его под грязные бинты на гипсовой повязке.

Возвращаясь по мрачным коридорам Бутырки, Артист буквально спинным мозгом ощущал, что, доведись ему попасть сюда в качестве арестанта, не выдержал бы и недели. Тюремный воздух был буквально напоен страхом, насилием и безысходностью. Не мог он представить себя в тюремной камере – хате, пусть даже на самом привилегированном месте, положенном ему как вору в законе. Артист привык к роскоши, привык в разговоре, в любом конфликте чувствовать за собой силу бригады, мощь стволов. А отбери у него «братков» со стволами, деньги... и станет ясно, что, по большому счету, он сам никто и фамилия его никак. Своего авторитета – ноль. Воры дали ему это почувствовать. Они, прошедшие пересылки, зоны, ощущали себя в Бутырке так же естественно и непринужденно, как он, Артист, в дорогом ресторане. Они и за решеткой умели поставить себя, могли взять все то, что хотели.

Его не покидало чувство, что на выходе «рекс» преградит ему дорогу, а сзади навалятся конвойные и поволокут на хату, заломив руки, чтобы больше никогда не выпустить на свободу. Впервые выколота на плече змейка, обвившая кинжал, знак законного, спрятанная под дорожными рубашкой и пиджаком, жгла его.

«Это сейчас воры разговаривали со мной уважительно, почти как с равным. А окажись я с ними в одной камере? Не признай они меня? Определи в мужицкое сословие? Разговор тогда короткий. Времени до отбоя, и, как хочешь, выведи воровскую татуировку. Можешь лезвием срезать вместе с кожей, можешь кипятильником выжечь».

Лишь оказавшись в реанимобиле, Актер почувствовал некоторое облегчение и вздохнул немного свободнее. Наконец исчез липкий, почти панический страх, возникший, когда он переступил порог тюремной больнички после терки с ворами.

Медсестра уже не сомневалась, что перед ней никакой не врач, а тот, кого следовало провести в Бутырку для разговора с авторитетами.

– Артем Дмитриевич, – игриво сощурился глаза, молодая женщина покачивала ногой, затянутой в еле заметный чулок, – не найдется ли у вас сигареты?

Артем Кузнецов с готовностью предложил пачку. Женщина быстро взяла сигарету, опустила ее в карман халата. Пальцы она держала поджатыми к ладоням. Как медик, она не могла позволить себе длинные окрашенные ногти. Артист, забыв, где находится, сжал сигарету зубами и готов уже был щелкнуть зажигалкой.

– Артем Дмитриевич, – покачала головой Лариса, – тут не курят.

Реанимобиль выехал за ворота тюрьмы. Водитель проехал три квартала. Машин на улицах было немного – ехать одно удовольствие. Огромный «Гранд Чероки» замаячил спереди, справа из окошка высунулась рука. Оба автомобиля остановились у бордюра.

– Ваша остановка, – сказал доктор Иванов, отодвинув матовое стекло.

Артист бросил взгляд на стройные ноги медсестры, заметил недовольное выражение лица ассистента.

– Если будет свободное время, позвоните, Лариса, – сказал он и протянул женщине пластиковый прямоугольник визитки, на котором был только номер мобильного телефона.

Артист сбросил белый халат, запихнул его за носилки и, не прощаясь, вышел из машины.

– Типчик еще тот, – с раздражением произнес ассистент, когда дверца микроавтобуса захлопнулась.

– Нормальный, – пожала плечами Лариса.

– Слишком много про себя мнит. Ты посмотри на машину, на какой он ездит! Чем мощнее автомобиль, тем слабее мужик, который сидит за рулем. Так он свою неполноценность компенсирует.

– Он не сам за рулем сидит, – улыбнулась женщина, спорила она просто так, чтобы немного позлить коллегу.

– Мне он не понравился, – ассистент покосился на визитку, которую медсестра все еще держала в руке.

– Он этого и не добивался. Есть мужики, умеющие добиваться в жизни того, чего хотят, а есть и другие.

– Я понимаю, что он не мечтал о медицине.

«Гранд Чероки», развернувшись прямо посреди улицы, пересек двойную сплошную линию посередине дороги и исчез за поворотом. Артист, вопреки своему обыкновению, расположился на заднем сиденье, добрую половину обзора ему закрывала широкая спина водителя. Рядом с Артемом Кузнецовым с плоской фляжкой в руке сидел тот самый Пашка-Крематорий, за которого он агитировал воров. Хороший костюм на Пашке смотрелся органично, как и золотистый, чуть поблескивающий в свете фонарей галстук. Единственным не просто дорогим, а вызывающе дорогим предметом в его гардеробе были часы в тяжелом золотом корпусе. Четыре небольших бриллианта на нем кололи тонкими лучиками глаза Артисту, фиолетовым цветом отливало стекло из хрусталя.

Крематорием Пашка Проклов стал два года тому назад, хотя обычно погоняло прилипает с первой ходки и уже на всю жизнь. Тогда одного за другим похитили управляющих банками, которые он держал под собой. И Пашка посчитал, что лучше будет на время пропасть, пока мать не рассеется.

Куда он подевался, вроде бы не знали даже жена с матерью. А потом в подмосковном водоеме всплыл труп со связанными за спиной колючей проволокой руками и простреленной головой. Поскольку менты отрабатывали в том числе и версию о Пашкином похищении, а идентифицировать погибшего по отпечаткам пальцев не удалось – раки обгрызли, то на опознание пригласили Пашкину супругу. Она и признала в полуразложившемся трупе своего мужа. Подозрительно быстро тело «Пашки» по настоянию супруги предали кремации. Обычно криминальных авторитетов хоронят с подобающей их положению pompой: в дорогих гробах, с церковным отпеванием, на престижных кладбищах. Так что многие поговаривали, будто Пашка на самом деле жив и в топке вместо него сгорел кто-то другой.

Пашка объявился лишь после того, как милиция задержала убийц банкиров – заезжих отморозков, пытавшихся вымогать у их родственников деньги. До суда никто из них не дожил – всех троих в один день обнаружили мертвыми, хоть и сидели они в разных камерах. Никого не удивило, каким образом трое здоровенных парней сумели повеситься ночью на коротких тюремных полотенцах так, что никто из их сокамерников даже не проснулся. С того случая и прибавилось к Пашкиному имени зычное погоняло Крематорий. Пашка даже не стал мраморную плиту на «своей» могиле менять, говорил, что теперь смерть не скоро за ним придет, раз уж однажды его похоронили.

Пока ехали – молчали, когда машина оказалась неподалеку от парка, Пашка-Крематорий окликнул водителя:

– Тормозни и иди погуляй, когда понадобится, «звон» сделаю.

Водитель, привыкший, что его боссу то и дело приходится вести беседы без посторонних ушей, покорно взял мобильный телефон и вышел. Вскоре под парковыми деревьями зарделась огоньком сигарета.

– Деньги старики взяли? – спросил Пашка и отхлебнул из плоской фляги немного коньяка.

Видно было по глазам, что он уже не раз прикладывался к горлышку, ожидая Артиста.

– Взяли... А толку? Гнилой базар получился, – наконец-то Артист смог закурить.

– Что сказали?

– Ничего конкретного!

– Не менжуйся. Никто тебе «да» или «нет» не скажет. Главное, ты им в головы заронил, что на Карле свет клином не сошелся. А головы у них не для вшей, прикинут, что к чему. По-нашему выйдет. Они сами понимают, что их время ушло.

– Уходит, но не ушло еще. Пока они в силе, а не мы.

– Именно – пока в силе. Скоро все поменяется. Мы за Западом след в след идем. Догоним и перегоним. У них уже мафия другая, чем была лет тридцать тому назад. Все в легальном бизнесе. Я же тусуюсь, людей тамошних хорошо знаю. Мир повидал. Сицилийцы и те изменились, хоть они больше всех за старое цеплялись. Карл... – произнес Пашка-Крематорий и засмеялся, – он неделю назад показательные выступления устроил. Братву пригласил, показать, что квалификацию не потерял. Демонстрировал, как он в транспорте у старушек кошелек вытаскивает. Два часа в трамвае с ним катались. Развлечение классное. Ты давно в трамвае последний раз ездил?

Вопрос застал Артиста врасплох:

– Лет пять или шесть... может, больше.

– И я не упомню. Да и в метро последний раз в прошлом году спустился, когда машина на улице сломалась. Даже не знал, что теперь не пятаки и не жетоны в турникеты бросают, а карточками пользуются. Иногда полезно бывает посмотреть, как люди живут, как по городу передвигаются.

– Так что Карл?

– Режет он сумочки ловко, тут не отнять. Он монетку в лезвие заточил и вперед пошел, а братва на задней площадке от хохота давится. Высший класс показал, у лоха одного лопатник из нагрудного кармана вытащил в полупустом трамвае. Поворота дождался, качнулся, лох его сам придержал. «Держаться надо», – говорит. А Карл ему: «Извините, уважаемый». Все чинно и благородно. Но это же клоунада, цирк на проволоке! Кому теперь такое умение надо? В общаке миллионы проворачиваются. А Карл как ребенок радовался, что ему удалось за два часа шестьдесят тысяч российскими выудить.

– Не забывай, Карл не только щипач-виртуоз, но и смотрящий. У Монгола он в большом доверии – а его слово всех перевесит.

Пашка-Крематорий задумчиво допил коньяк:

– Я тоже про это много думал, наверное, больше твоего. Карл только на авторитете держится. Больше не на чем. Ни бригады у него, ни стволов. Сам словно нищий живет, ничего у него за душой нет. А мог бы уже и свое дело наладить. Казино, к примеру, открыть, зал игровых автоматов, если уж правильный очень и воровскую «молитву» блюдет. Полцентра у него под ногами, а он ни себе, ни братве развернуться толком не дает. Все о понятиях толкует. Наркотой заняться нельзя, мол, «дурь» не для блатных. Проститутки тоже – с «мохнатого сейфа» правильным жить запахло. А если подумать, то почему мы должны от этого отказываться, если прибыль в таком деле огромная? Вместо того чтобы подумать, изменить стиль, он образцово-показательные выступления в трамвае устроил. В политике таких, как он, популистами называют.

– Популисты выборы и выигрывают, – заметил Артист.

– Только в нищей стране. А у нас не выборы в Государственную думу.

– Хреново то, что Карлу нечего предъявить. Чист он.

Пашка-Крематорий усмехнулся:

– Это грязному отмыться трудно, а чистого всегда испачкать можно. Я выборную кампанию в областную Думу от А до Я прошел. Хоть в конце и срезали меня, но наука хорошая

получилась. Толковые ребята в моем штабе работали. Если нет косяка за Карлом, то его можно устроить. Оправдываться всегда труднее, чем обвинять. Потому в адвокаты умные и талантливые идут, а в прокуроры бездари. Я знаю, на чем сыграть.

– Стремно законного подставлять, – почесал коротко стриженный висок Артист, – если правда выплывет, он вправе будет с нами что ему в голову взбредет сделать.

– Не всплывет.

– Еще не знаю, что ты решил, но у Карла нюх звериный. Он, еще не разобравшись, что к чему, ответку зарядить сумеет.

– На попятную пошел? Сдрейфил? – прищурился Пашка-Крематорий. – Когда карты сданы, игру не останавливают. Ты на меня уже поставил. Даже если в сторону отойдешь, про тебя вспомнят. Не я, а ты в Бутырку ездил, Хазара со Шнуром убалтывать.

– Не отказываюсь я. Знаю, если мы сейчас отступим, другие за нас то же самое сделают. Проходят времена стариков.

– Чисто сработаем, – пообещал Пашка, – чем в машине сидеть, лучше ко мне за город поехали. Там и перетрем.

Перегнувшись через спинку сиденья машины, Пашка щелкнул переключателем – мигнули фары. Водитель мгновенно отбросил щелчком окуроч, тот разлетелся фонтаном искорок.

– Куда? – спросил он, садясь за руль.

– Ко мне за город.

Хоть водитель понимал, что теперь ему придется ночь провести не дома, он не выказал ни малейшего сожаления или раздражения. Пашка-Крематорий платил хорошо. На охранников и водителей он не скупился.

«Люди, которые находятся в непосредственной близости, должны держаться за работу зубами» – так считал он.

Станный разговор у них получился за городом. Артист не мог поверить, что задуманное Пашкой осуществится. Хоть и раньше они обсуждали этот план, но Артем Кузнецов считал, что это так, мечты, прожекты. Тот сумел-таки его убедить.

– ...Ищи людей, Артист, – снайпера и угонщика, ты все сделать должен, чтобы никто на меня не подумал. А потом, на общак стану, я тебя не забуду... Диспетчера Шурика адрес не выбросил еще?

Глава 4

Шурик, пятидесятилетний обрюзгший мужчина, обитал на окраине Москвы в небольшой квартире на первом этаже двухэтажного дома с палисадником. Все дома в этом районе были построены пленными немцами. Добротные дома. Высокие потолки, толстые стены, широкие подоконники. Шурик обменял ее на свою старую квартиру в том же районе лет восемь назад, когда заболел и уже не мог подниматься на четвертый этаж дома хрущевской застройки. Поменялся и не жалел. Здесь, на первом этаже, ему было хорошо, потому что рядом – когда он, тяжело дыша, шел от машины в квартиру.

Жил Шурик один. Так его называли и соседи, и знакомые, и те, кто пользовался его услугами. Кличка Шурик закрепилась за ним сразу же после того, как на экраны кинотеатров вышла знаменитая кинокомедия Гайдая «Операция „Ы“ и другие приключения Шурика». Тогда еще у Александра вместо лысины был белый чуб, носил он узкие брюки, рубашки, тенниски, а на лице поблескивали стеклами очки в черной роговой оправе. Очков Шурик за свою жизнь сменил много, с каждым разом стекла становились толще, количество диоптрий увеличивалось, а вот форма оправы оставалась прежней. Привык человек, что тут сделаешь.

Прямо напротив подъезда под старыми вишнями стояли два железных гаража. Один был покрашен коричневой краской, другой – болотно-зеленой. И что интересно, оба эти гаража принадлежали Шурику: и в одном, и в другом хранились его машины. В коричневом – «Ока», в салоне которой Шурик едва вмещался, а в другом «Опель Омега Караван» серебристого цвета. Если Шурику надо было ехать по делам, к начальству или в больницу в город, он выезжал на «Оке», и если к нему цеплялись сотрудники ГИБДД, то книжка инвалида действовала на стражей порядка как успокоительное. На малолитражке можно было заехать куда угодно и припарковаться на пятачке. А вот на «Опеле» Шурик выезжал намного реже, как правило, проводить кого-нибудь из старых знакомых.

Соседи в Шурике души не чаяли, хотя поначалу отнеслись к нему настороженно. Но потом выяснилось, что мужчина, страдающий одышкой и имеющий непрезентабельный вид, может договориться с любым – и с начальником самого высокого ранга, и с мелким, вечно пьяным сантехником. Когда сантехник являлся к Шурику, он всегда бывал трезв как стекло. Благодаря стараниям тучного соседа уже на второй год в доме перекрыли крышу, поменяли проводку, покрасили стены, а еще через год была сменена вся сантехника и газовые плиты.

К нему часто, иногда даже довольно поздно, приезжали странные типы на очень дорогих машинах. Разговаривали с Шуриком тихо, причем настолько тихо, что подслушать разговоры никому из соседей не удавалось.

«Приезжают, уезжают. У каждого свой бизнес», – решили соседи.

Когда у Шурика спрашивали о работе, он передергивал плечами, морщил нос и фыркал:

«Неужели вам это интересно? Работа как работа. У кого-то что-то есть, а кому-то это что-то позарез нужно. Люди могут жить в разных концах города или в одном подъезде, но не знать, что они нужны друг другу. А я, Шурик, в курсе, можете себе представить. Вот и помогаю людям, свожу их».

– И что, с этого можно жить? – удивлялись любопытные соседи.

– Видите, я же живу, значит, можно.

Одни соседи думали, что Шурик – маклер, сдает и покупает квартиры по Москве и под Москвой, разменивает, находит более выгодные варианты, а люди за это платят ему процент от сделки. Другие соседи предполагали, что деятельность Шурика связана с брачными агентствами. Сидит он себе дома у компьютера, тасует анкеты, а затем отправляет электронные сообщения, и за это богатенькие иностранцы выкладывают свои иностранные денежки за русских невест – служанок, рабынь.

Самая невероятная версия родилась после того, как погожим весенним днем прямо к дому подкатил шикарный новенький джип. Из машины вышли дорого одетый пожилой мужчина и молодая женщина, а затем на зеленую травку выпрыгнул изящный далматинец и, никого не стесняясь, помочился прямо на колесо джипа, после чего радостно побежал под деревья.

Мужчина и женщина, распространяя вокруг себя волну дорогого парфюма, прошли к Шурику в квартиру вместе с собакой. Из квартиры послышался лай. Возможно, этот лай никто бы и не услышал, но окна были открыты. Предположение о том, чем занимается Шурик, выглядело фантастично, но имело под собой логику.

– Он кастрирует кобелей, – сказала пенсионерка, копаясь в хозяйственной сумочке.

Дворник, пять лет тому назад подшитый, а потому озлобленный, почти ругнулся, бросив пенсионерке:

– Кинолог, мать его.

Пенсионерки закивали, пораженные эрудицией бросившего бухать дворника. Дальше прихожей и кухни в квартире Шурика соседям бывать не доводилось. И о том, что находится в двух оставшихся комнатах, они могли только догадываться.

Ни жены, ни детей у Шурика не было, вредных привычек тоже не имел. Музыка громко не включал, баб к себе не водил, а если и появлялись у него какие-то люди, то вели они себя очень тихо. О таком соседе можно лишь мечтать: и денег всегда одолжит, и добрым советом поможет.

Соседи видели, как однажды поздним вечером к их дому, тихо шурша шинами, подкатил автомобиль – черный блестящий «Гранд Чероки» последней модели. Из джипа первым выбрался водитель в кожаном пиджаке, огляделся по сторонам и только затем открыл дверцу машины. Из нее вышел коротко стриженный, по-модному небритый мужчина в темно-сером костюме и прямоком направился в квартиру Шурика. Дверь была предусмотрительно открыта, хозяин знал, что гость должен появиться с минуты на минуту.

Что происходило внутри, никто из любопытных соседей не слышал. Шурик, прежде чем начать разговор, плотно закрыл окна.

К Шурику на черном «Гранд Чероки» приехал не кто иной, как считавший себя воровским авторитетом Артист. Бывают же самопровозглашенные республики, вот так было и с Артистом – в криминальном мире он имел вес, а насчет уважения ему приходилось туго. Зону не топтал, звание вора в законе купил за «лавэ», словно был не славянином, а каким-нибудь лаврушником. Все его влияние держалось на бригаде да на стволах. Обычно Артист без охраны даже в туалет не ходил, а тут вошел в квартиру Шурика один – даже водителя Вадика оставил на улице за дверью.

Артист вошел, повертел головой:

– Давненько я у тебя не был.

– Да, – сказал Шурик, – два года и три месяца. – На даты и фамилии память у него была крепкая.

Артист Шурику руки не подал, хотя разговаривал с ним вполне вежливо. Шурик указал на кресло, предложил коньяка, водки. Артист покачал головой, затем указательным пальцем провел по волевому подбородку с ямочкой. Сел.

– Если не возражаешь, закурю.

– Даже если я стану возражать, ты все равно закуришь.

Артист улыбнулся, достал портсигар, закурил.

– Ты, конечно, по делу? Просто так кто ж ко мне приедет?

– Зачем без дела ездить?

– Внимательно слушаю.

– Надо будет найти человека, очень хорошего стрелка.

Шурик вначале наморщил лоб, затем провел рукой по лысине – так, словно на ней росли густые непокорные волосы и он отбрасывает их, чтобы не падали на глаза и не мешали смотреть на гостя.

– Где? Когда? – по-деловому осведомился Шурик.

– Пока еще точно не знаю, но стрелок должен быть очень хорошим – снайпер, способный завалить с одной точки трех человек и уйти. Есть у тебя такой?

– У меня много знакомых, наверное, есть среди них и очень хороший стрелок.

– Вот он мне скоро понадобится.

– Как скоро?

Артист недвусмысленно покачал головой.

– Знал бы прикуп, жил бы в Сочи, – сказал он.

– Сколько? – Шурик улыбнулся наивно, как ребенок, интересующийся у тетеньки-продащицы, сколько стоит понравившийся ему ярко-красный барабан с лакированными палочками.

– Сколько скажешь, – ответил Артист, – тебе видней. Но все должно быть сделано очень аккуратно – так, чтобы комар носа не подточил.

– Сделаем, – уже без улыбки, как о работе, ответил Шурик. – Ты же знаешь, Артист, я без аванса не работаю. Специалист без аванса даже пальцем не шевельнет.

– Понимаю. Пятнадцать за все про все хватит?

– А это от того зависит, – рассудительно сказал Шурик, – кого ты приговорил.

Артист махнул ладонью:

– Есть один клиент, надоел он мне, под ногами путается, жить мешает. Он и два человека из его охраны.

Шурик никогда не уменьшал вначале названную цену. Увеличивать – да, а уменьшать – это было не в его правилах. Но, посмотрев на Артиста, оценив обстоятельства, что дело темное, таинственное, и, зная финансовые возможности заказчика, Шурик щелкнул толстыми пальцами, которыми на удивление ловко справлялся с клавиатурой компьютера, произнес:

– Двадцать, наверное, такая работа потянет.

Артист, не задумываясь, сказал:

– Добро. Двадцать так двадцать.

Он подошел к окну и махнул рукой водителю, тот вынес из машины кожаную папку. Артист перекинулся парой слов со своим водителем у двери квартиры и вернулся к столу с пачкой денег, перетянутой аптечной резинкой ярко-желтого цвета.

– Вот десятка, – он положил деньги, брезгливый изгиб губ обезобразил его лицо.

Шурик взял деньги и спрятал их в выдвижной ящик письменного стола.

– Ты найди, подготовь стрелка, а дальше я тебе все скажу.

– Сам с ним встретиться не хочешь?

– Зачем? Я тебе деньги плачу, ты с ним встречайся и толкуй.

Артист еще раз осмотрелся.

– Хорошо живешь, ничего лишнего, – подытожил он, развернулся и покинул квартиру.

Машина почти бесшумно отъехала от дома.

Шурик задумался. Обычно к нему приходили с определенными и конкретными предложениями: с фамилией, адресом, расписанием дня жертвы, даже говорили, во что потенциальный покойник будет одет накануне своей смерти. Здесь же все выглядело крайне туманно, а туман Шурик не любил. Артиста он знал не первый год и отказать ему не мог.

«Найду», – подумал Шурик, клавишей включая компьютер.

Сходил в спальню, вернулся с диском. Долго колдовал, вводя пароль, затем засел перед экраном на целый час. Поднялся лишь затем, чтобы покормить рыбок в небольшом аквари-

уме. Поговорил с бессловесными тварями, постучал по стеклу ногтем, проверил пальцем воду. Вернулся к столу и пересчитал деньги. Листов в пачке оказалось ровно сто.

«Утро вечера мудренее. А теперь кефир и сортир. А завтра попробую на Глаза выйти, если он еще не спился окончательно. Мне Глаз не откажет, слишком много я о нем знаю. Десяти штук такому типу, как Глаз, будет самое то. А остальное – мне за старания, за заботу, за таблетки».

* * *

Павел Глазунов если уж пил, то пил по-черному. Неделя, две, три проходили в сплошном угаре. Пил везде – в барах, в подворотне, в ресторанах, в подвалах, на чердаках, на каких-то хатах, в машинах. Пил и пил. Другой бы уже давным-давно копыта откинул, но Павел Глазунов был слеплен из другого теста. Невысокий, жилистый, поджарый, весь как скрученная пружина, готовая в любой момент распрямиться.

– Гнет меня жизнь, а сломать не может, – приговаривал Павел, опрокидывая в рот стакан водки, занюхивая рукавом камуфляжной куртки и затягиваясь сигаретой.

С таким здоровьем, как у Глазунова, быть бы ему альпинистом, полярником или охотником. Десятки профессий требуют такого железного здоровья и выдержки. Павел нигде не работал, ему нравилась такая жизнь. Ни начальства тебе, ни сослуживцев, а что на жизнь деньги нужны, так это правда. Как же без них, родимых, денежек этих гребаных? Без них ни выпить, ни закусить, ни на автобусе проехать, ни в метро не зайти.

С работой у Павла отродясь не клеилось. Куда ни устроится – везде поругается. Все ему не так. Мало того, что поругается, так еще и подерется. И если бы с работягами, с грузчиками в гастрономе или со слесарями на автобазе, так нет же, всегда с начальством ссорился и дрался. Били потом Павла, но первым бил он.

Последнее место работы – охранник на мебельном складе, который у его знакомого арендовали в складчину три владельца мебельных салонов. Проработал Павел там ровно полтора месяца. Подрался с хозяином магазина, который приехал на склад ночью забирать мебель. Другой бы открыл склад, пустил, все-таки почти начальство, коммерсант, который деньги платит, в пиджаке, при галстукке. А Павел сплюнул себе под ноги и, вертя на пальце связку ключей, глядя наглому и сытому тридцатитрехлетнему борову прямо в глаза, коротко бросил:

– Нет, не открою склад. И ничего ты мне не сделаешь, понял? В моих должностных обязанностях такого нет, чтобы по ночам склад открывать.

И захлопнул дверь прямо перед носом у владельца мебельного магазина. Тот рванул дверь на себя, влетел в маленькую комнатку, хотел ударить Павла кулаком в лицо, но тот от удара увернулся, руку «бизнесюге» перехватил и как тисками сжал пухлое запястье. Даже браслетка дорогих часов хрустнула. Вывернул руку за спину и поднимал вверх до тех пор, пока «комерс» не переломился надвое и не уткнулся в мусорное ведро холеной харей. Затем Павел выкинул его за дверь.

Он знал, через четверть часа здесь появятся нанятые боровом крепкие парни, которые расхаживают, приглядывая за порядком, в его магазине. И не ошибся, парни подъехали быстро. Павел Глазунов убежать не стал, не из тех он был, кто спину противнику показывает. Дрался один с тремя. Потом кровью две недели мочился и ходил на полусогнутых. Но и троим охранникам досталось: двое в больнице оказались, а вот третьему повезло, всего лишь зуба лишился – ударом ноги выбил его Павел.

Хозяин склада владельцу магазина, естественно, сказал, что денег Глазунову не дал ни копейки. Сам же рассчитался с ним до копейки, еще и сверху тысячу накинул на лекарства и пластырь, потому как лицо у Павла имело неприглядный вид. Такие лица иногда показывают по телевизору, когда транслируют схватки профессионалов за чемпионский боксерский пояс.

Ухо как чебурек, съехавший набок нос как картошка, один глаз закрыт полностью, рассеченные губы выворочены. Слава богу, зубы остались целы. На лбу шрам на семь швов, заклеенный полоской пластыря, подбородок рассечен, шея в ссадинах. Павел оклемался, все зажило как на собаке. Только шрам на лбу остался – тонкая полоса, похожая на рыбий хребет.

Павел и думать забыл о владельце мебельного магазина, но тот сам напомнил о себе – Павлу пришла повестка в милицию. И дело завертелось. Охранники подали на него в суд. И наверняка у «комерса» хватило бы денег и свидетели липовые нашлись бы, потому загребел бы Павел Глазунов в тюрьму года на три. И было бы ему не сладко. Но мебельный «бизнесюга» разбился на джипе с одним из своих охранников, разбился так сильно, что даже хоронили бедолагу в закрытом гробу. О Павле ментам напомнили родственники погибшего, предложили выяснить, не являлся ли он виновником страшного дорожно-транспортного происшествия, забравшего жизнь преуспевающего бизнесмена и его охранника.

Милиция проверила, у Павла Глазунова было алиби на момент катастрофы – он был в Серпухове у мамы. Дальше менты копать не стали. Глазунов им понравился, хороший мужик, орденом награжден и медалью за участие в боевых действиях. Где и за что получил награды младший сержант Павел Глазунов, менты не поинтересовались. А если бы и спросили, то Глазунов мог бы соврать. В военном билете про его специальность – снайпер – ни слова написано не было.

А то, что в Серпуховском спортивном клубе за неделю до автомобильной катастрофы с трагическим исходом был взломан тир и пропала малокалиберная винтовка, столичных ментов не интересовало. Это дело серпуховской милиции, пусть они и разбираются, ищут воров, скорее всего школьников из соседней школы.

* * *

Павел Глазунов еще спал в своей однокомнатной квартире, доставшейся ему от отца. Тот бросил жену и сына двадцать пять лет назад и уехал искать счастье в Москву, где и помер от инфаркта. Квартира досталась сыну.

«Кто бы это?» – сквозь сон подумал Павел, нащупал телефонную трубку, даже не открывая глаз, поднес к уху и, повернувшись на бок, сонным голосом пробурчал:

– Алло, слушаю!

– Как ты, жив-здоров? – услышал он голос, который узнал не сразу.

– Кто это?

– Своих уже не узнаешь?

– Кто это? – переспросил Павел, тряся головой.

Две недели он уже не пил, денег не было ни копейки, да и желания тоже.

– Это я, Шурик.

– А-а, – облизнув пересохшие губы, выдавил из себя Павел. – Чего звонишь ни свет ни заря?

– Встретиться надо.

– А, – услышал в ответ Шурик и хлебнул чая с лимоном, – встретиться, конечно, можно, только я к тебе приехать не могу.

– Это еще почему?

– Поиздержался, денег ни копыя.

Шурик на другом конце крикнул с явным удовольствием, словно по-настоящему обрадовался, что Павел Глазунов находится в бедственном состоянии.

– Так я тебе денежкой немного помогу. Работа на горизонте замаячила.

– Оно неплохо будет, – Глазунов уже сидел на диване и рассматривал ногти на пальцах правой руки, левой скреб небритую щеку.

– Когда свободен будешь?

– Я все время свободен, – честно сказал Павел.

– Тогда давай часиков в одиннадцать посидим на воздухе, поговорим. У вас там еще кафе «Отдых» работает?

– Работает, только у меня в нем кредит исчерпан.

– Не беда, – сказал Шурик. – Значит, договорились?

– Хорошо, – сказал Павел, кладя трубку и потягиваясь.

Он принял душ, выпил чашку чая с куском хлеба и ломтиком засохшего сыра, завалившегося в отключенном холодильнике. Надел свежую майку, выстиранные джинсы. На майку клетчатую рубашу, а на голову натянул клетчатую бейсболку, повернув ее козырьком назад – так, чтобы шрам на лбу не был виден. Надел темные очки – старые и поцарапанные, разбитые кроссовки и направился на встречу.

Шурик подъехал на «Опеле», пытаясь выбраться из салона. Его грузное тело вздрагивало, живот покачивался. Он махнул рукой, подзывая Павла к себе.

– Выглядишь ты ничего.

– В смысле? Ты что, меня фотографировать собрался? – засмеялся Глазунов.

– Я слышал, у тебя неприятности были?

– У кого их не бывает? Без неприятностей только покойники живут, да и их черви едят, не к столу будет сказано. Чуть мотороллер свой с будкой не продал. На стоянке за него уже второй месяц не плачено.

– И эту проблему решим. Ты мне нужен. Пошли присядем.

Они сели за дальний столик под зонтик.

– Тебе чего заказать? – спросил Шурик.

– Порубать чего-нибудь и пивка литр.

– Хорошо.

Себе Шурик заказал бутылку минералки без газа, а собеседнику отбивную с салатом и два бокала пива. Когда все стояло на столе и Павел уже сделал первый глоток холодной золотистой жидкости, хмыкнул от удовольствия, Шурик его остановил.

– Погоди хлебать, вначале послушай меня.

– Со слухом у меня порядок. Я, когда ем и пью, неплохо слышу. Все остынет.

– Как знаешь. Дело есть, – подавшись вперед, прошептал Шурик, поправляя очки в старомодной оправе, но сегодня, в начале третьего тысячелетия, выглядевшие довольно стильно.

– Я слушаю, слушаю, говори, – жуя кусок мяса и запивая его пивом, поторопил собеседника Глазунов.

– Есть хорошая работенка, как раз по профилю, если, конечно, ты квалификацию снайпера за последнее время не потерял.

Павел перестал жевать, отложил вилку с ножом, вытянул перед собой обе руки – пальцы почти касались стекол очков Шурика.

– Что ты видишь? – спросил Глазунов.

– Руки вижу.

– Свои вытяни.

– Это еще зачем?

– А затем, что они у тебя дрожат, как осиновые листья, а у меня нет.

– Вижу.

Пальцы Глазунова с коротко обрезанными толстыми ногтями были неподвижны, словно это были руки манекена, а не живого человека.

– А вон туда посмотри, направо. Видишь желтый автомобиль? – Метрах в ста у светофора стоял желтый микроавтобус «Мерседес». – Номер видишь?

– Да ты что, с ума сошел? Кто ж его разглядит.

– А я могу. – И Павел назвал номер.

Шурик не поверил, что такое вообще возможно. Но автомобиль тронулся, а когда проезжал мимо железного заборчика, ограждавшего площадку кафе, Шурик довольно крикнул: номер совпадал с тем, который назвал Павел.

– И глаз видит, и руки не дрожат, понял? А ты говоришь, не в форме. Кого вальнуть надо? Пятидесятилетний грузный мужчина хмыкнул.

– Знал бы прикуп, жил бы в Сочи.

– Как, ты не знаешь, кого?

– Не знаю и знать не хочу. Вроде троих с одной точки.

– А сколько? Когда? Где?

– Сразу на все вопросы или можно по очереди? – отозвался Шурик.

Перед ним на столе лежали два мобильного. Оба телефона были не из дешевых – очень надежные аппараты.

– В ближайшие пару недель из дому не отлучайся. Я все узнаю и дам тебе сигнал, скажу, кого, где и когда.

– Конечно, ответы интересные. А теперь к первому вопросу: сколько?

– Пятерки хватит?

Глазунов вместо ответа снял бейсболку, положил ее себе на колени, оперся о стол локтем, пристально и долго смотрел в лицо Шурику.

– Ты что, за лоха меня держишь, приятель? Я в своем деле профессионал, я две войны прошел. Я столько на тот свет отправил...

Похожие разговоры у диспетчера Шурика и у людей, которых он нанимал для «мокрых» дел, происходили почти всегда, он к ним привык. И ни колючие взгляды, ни ехидные замечания его нисколько не обескураживали. Но заказ был действительно серьезный, и упускать его, а тем более провалить Шурику не хотелось. Он понимал, если Артист лично к нему приехал, значит, и спрос с него будет полный. Да и в деньгах криминальный авторитет не поскупился, торговаться не стал.

– Твоя цена?

– Десять, – коротко сказал Павел, наколот на вилку кусочек хлеба и принялся вымакивать жир из тарелки.

– Ты меня обдираешь.

– Ну не до мяса же? Ты меньше пятнашки не зарядил, – немного повеселев, произнес Павел и подозвал официанта. – Пачку «Кэмела» и зажигалку, приятель, подгони.

Он уже почувствовал себя человеком с деньгами, который может позволить себе самонадеянно разговаривать с официантом и самостоятельно делать заказы.

– Сейчас штуку, перед делом четыре, после дела пять. И искать меня не надо, я тебя сам найду, идет?

– Хорошо, – сказал Шурик.

– И еще. Инструмент и транспорт, естественно, твои, на пушку я тратить не собираюсь.

– Э, нет, давай пополам, – ответил Шурик.

– Нет, – покачал головой Глазунов, – если хочешь, чтобы все было хорошо, инструмент должен быть исправный, я его проверить должен. Я же не дурак подставиться.

Шурик кивнул, соглашаясь с аргументами Павла.

– А ты вообще давно стрелял?

– Такие вопросы задает следователь или тренер. Но так как ты, Шурик, не следователь и не мой личный тренер, то отвечать я не стану. Уж извини. Деньги давай.

Шурик вытащил из сумки свернутую в трубку и схваченную аптечной резинкой тысячу долларов, передал ее прямо в руку Глазунову.

– И заплати за жратву. Мне еще поменять деньги надо.

Разговор был закончен. Глазунов поднялся, подмигнул Шурику, который был старше его на семнадцать лет, и, легко перепрыгнув через железное ограждение, зашагал к обменнику. За квартиру не было уплачено месяца за три, а в почтовом ящике лежала квитанция и за четвертый, Павел видел ее через дырочки каждый день, но доставать не спешил. Оплачивал только телефон, чтобы не отключили. Но теперь у него появились деньги, и он почувствовал себя относительно спокойно.

«Правду люди говорят, – заходя в обменник, подумал он, – будет день, будет пища, и утро вечера мудренее. Вчера настроение было ни к черту, а сегодня все изменилось. И погода хорошая, и настроение лучше некуда. Накуплю продуктов, наведу в квартире порядок и буду ждать», – подфутболивая с тротуара пустую пластиковую бутылку, в радостном возбуждении думал Павел Глазунов.

Глава 5

Владения Артиста были не так велики, как ему хотелось. «Держал» он два мини-рынка за Кольцевой дорогой, успел выстроить четыре ночных клуба и пяток небольших магазинов-временок у конечных станций метро. Артем Кузнецов считал, что достоин большего, потому и поставил на Пашку-Крематория. Чтобы лезть на рожон самому, у Артиста, как говорят бластные, не хватало духа. Только человек, уверенный в том, что победит, способен идти до конца. Но такой уверенности у Артиста не было.

Когда он говорил с Пашкой, ему казалось, что дни воров, подобных Карлу и Монголу, уже сочтены, но стоило лицом к лицу сойтись с одним из таких мастодонтов, тут же чувствовал собственную никчемность. Вроде и он вор в законе, равный среди равных, а должного уважения к нему нет. На всю жизнь запомнились Артисту слова одного из «крестных» – тбилисского вора Вахо, устроившего ему, не имевшему за собой ни одной ходки, коронацию за семьдесят тысяч долларов. Когда уже сидели за праздничным столом, Артем Кузнецов как бы между прочим поинтересовался, не сделать ли ему теперь воровскую татуировку.

Вахо по-отечески улыбнулся молодому «крестнику» и заверил его вслух, что, конечно, татуировку можно и нужно сделать, а потом наклонился к Артисту и прошептал на ухо:

«Запомни. Можешь обманывать кого угодно – это пожалуйста. Но никогда не обманывай самого себя – иначе кончишь плохо».

Эти слова объясняли многое. Артист каждый раз вспоминал «крестного», как только его грандиозные планы проваливались.

«Не обманываю ли я самого себя и на этот раз? – рассуждал Артист, сидя в недавно выстроенном на загородном мини-рынке офисе. – Пашка меня не кинет, во всяком случае, пока не прояснится ситуация с Монголом. А потом, если станет казначеем общака, тоже будет вынужден считаться со мной, ведь я знаю больше других».

Офис Артиста был неприметным двухэтажным домиком, сложенным из пеноблоков и облицованным под «рваный камень». Стоял он у самой железной дороги, отгороженный от нее высоким бетонным забором. Фасад выходил на почти безлюдную часть рынка. Ни вывески на нем, ни рекламы. За окном лишь изредка проходили редкие покупатели, заблудившиеся в «трех соснах».

За железной дорогой располагалась автостоянка. Тускло поблескивали крыши автомобилей, орошенные недавним дождем. По небу ползли темные и мрачные облака, ветер еще не успел отнести их к столице. На оконном стекле подсыхали, оставляя после себя матовые точки, дождевые капли.

«Вот так же и кровь подсыхает», – внезапно подумал Артист, вспомнив забрызганный кровью стол в «шушарке» бутырской больницы.

От этой мысли его передернуло, вида крови он боялся с детства, особенно когда не знал, чья это кровь. В офисе царила тишина, словно весь он вымер, словно Артист остался один во всем мире. Хотя он знал, что стоит крикнуть или нажать кнопку вызова, тут же появится пара «братков», комната охраны располагалась у самого входа за стеклянной перегородкой, и пройти в здание незамеченным было невозможно.

На столе лежало пять фотоснимков, сделанных на черно-белую пленку. Их принес утром фотограф – старый, давно вышедший на пенсию корреспондент одной из центральных газет. Старый газетный волк за умеренную плату отснял Карла «телевиком» с другой стороны улицы. Артист не доверил вести съемку кому-нибудь из своих людей, как и не хотел, чтобы фотографии сделали современным фотоаппаратом на цветную пленку и печатали их в фирменном центре «Кодака». Иначе кто-нибудь мог бы и заинтересоваться, на кой ляд ему понадобилось исподтишка снимать в городе вора в законе – Карла. Не для семейного же альбома!

Артем Кузнецов – Артист развернул снимки веером, словно карты. На верхнем Карл выходил из «Волги». Законный выглядел элегантно – подтянутый, ни намек на живот, строгий темный костюм. Он чем-то походил на постаревшего, но все еще преуспевающего артиста или университетского преподавателя. На втором снимке Карл надевал длинный плащ, стоя у «Волги». На третьем остановился у двери бара, расстегнутый легкий плащ распахнул ветер. Законник стоял на крыльце и, обернувшись, смотрел из-под козырька матерчатой старомодной кепки прямо в объектив камеры.

Мощная оптика уловила и запечатлела взгляд вора – колючий и в то же время тяжелый. Артист хорошо помнил этот взгляд, хотя ему доводилось встречаться с Карлом всего пару раз. Старый щипач-карманник умел так посмотреть на человека, что тому казалось, будто его бетонной плитой придавило. Остальные два снимка Артист отложил, почти не разглядывая, на них Карл беседовал с молодым человеком в темных очках, на плече у парня висел тяжелый футляр от электронных клавиш.

«Одеваешься ты со вкусом, хоть и не слишком дорого. Не любишь бросаться людям в глаза», – подумал Артист, положил снимки в конверт, заклеил его бумажной лентой и спрятал в ящик письменного стола.

«Братки»-охранники, сидевшие возле включенного телевизора, тут же оживились, лишь только Артист вышел из кабинета. Артем Кузнецов строго посмотрел на них, уловив во взглядах скуку. А ведь ничто так не развращает сильных мужчин, как отсутствие дела!

«Пара дней безделья, и потом толку от них не добьешься».

– Я уезжаю, пару часов меня не будет. Если что, звоните, – бросил он охранникам.

Секретаршу Артист не держал принципиально, присутствие женщин действовало на него расслабляюще. Артем Кузнецов все еще не мог налюбоваться на свою машину. «Гранд Чероки» он купил недавно в салоне «Четыре колеса», специально такой же, как и у Пашки-Крематория, чтобы не отставать. Даже «навернул» похожее: лебедку, «кенгурятник» из блестящих труб, четыре фары над крышей. И все равно ему казалось, что его внедорожник смотрится беднее.

«Братки», когда отъехала машина босса, вернулись к телевизору.

– Как в тюремной камере, из всех развлечений только «ящик», даже в карты не разрешает перекинуться, – ухмыльнулся скуластый, похожий на казаха бандит.

– Я ни разу и не сидел, так что сравнивать мне не с чем, – отозвался напарник, – всего один раз меня менты замели, и то по глупости, пьяный был в стельку, не помню ни хрена. Может, оно и к лучшему, был бы на ходу – врезал бы ментяре. Удар у меня тяжелый.

Скуластый счастливо улыбнулся:

– Я когда из армии вернулся, то без просыпу месяц гулял и каждое утро просыпался дома. Как возвращался? Не пойму... Но наутро всегда косточки на руках сбитые, а в кулаке ментовский погон сжимаю. И целый месяц так...

– И какие погоны? – приободрился скуластый.

– Чаще всего сержантские, но один раз у капитана сорвал.

– За это и загремел в тюрьму?

– Нет. За такое мне бы срок впаяли. Хватило ума из родного города в столицу податься. Соседка предупредила, что меня уже ищут. Участковый ходил, расспрашивал. Артист приметил, к себе устроил, тебя с ним тогда еще не было. Взяли меня уже тут, в Москве, за другое, я челюсть одному чудику сломал, когда тот пару слов телке босса сказать захотел. Артист и вытащил меня из СИЗО, адвокат повернул все как самооборону. Терпила потом еще полштуки баксов отстегнул, чтобы телка встречный иск не подавала.

– Повезло.

– Не всем везет. Артист хоть и спуска не дает, но если что – своих не бросает. «Дачки» я регулярно получал, а когда на свободу вышел, мне встречу по первому разряду организовали.

Скуластый лениво приподнялся, выглянул в окно: у офиса под прозрачным пластиковым козырьком устроились двое бомжей переждать вновь зарядивший летний дождь. Опустившиеся мужчины в рваных демисезонных пальто и ботинках, скрепленных липкой лентой, передавали из рук в руки большую бутылку дешевого вина. Пить не спешили, смаковали, по всему видно, быстро покидать уютное место не собирались.

– Пойду турну, – без энтузиазма сказал скуластый.

– На хрена? Артист не скоро приедет, к тому времени сами уйдут.

На рынке «братки» Артиста поддерживали строгий порядок. Карманникам-любителям и ломщикам здесь просто нечего было делать, как и цыганкам. Даже всех нищих Артист распорядился вышвырнуть с рынка. Тех, кто попадался первый раз, заставляли откупаться, во второй – уже нещадно били. Слабым местом оставалась только автостоянка. На самой площадке, огороженной сеткой, с шлагбаумом и кассиром, краж не случалось. Но не всякий посетитель рынка спешил воспользоваться платной стоянкой, машины ставили вдоль дороги, на подъездах к складам, съезжали в кюветы. Они и становились легкой добычей.

Чуть ли не каждый день в ментуру поступали заявления, что машину обокрали или, хуже того, угнали. К Артисту милиция претензий по этому поводу не имела, стоянку он оборудовал, охранял своими силами. Артем Кузнецов и не пытался навести порядок на территории, прилегающей к рынку. Зачем, если люди тебе не платят? Один раз поставят лоху тачку, второй раз он загонит ее на платную парковку. Однако так было лишь до последнего времени. Сегодня с самого утра Артист впервые отрядил двух «братков» «выщемить» пару умельцев вскрывать чужие машины, к тому же сделал странное пожелание:

«Высокого, худого высматривайте. Коротышек не трогайте. И не бить. Держите до моего приезда. Сам с ним разберусь».

Весь город и рынки давно поделены блатными, поэтому промышлять на них кражами могут только те, кто исправно отстегивает в общак. Бесхозных мест, где красть можно безнаказанно, не так уж много, именно там и появляются воришки-любители.

Двадцатилетняя Вероника Круглякова даже обиделась бы, если бы ее в глаза назвали воровкой. Воровство было для нее лишь приработком, позволявшим сводить концы с концами и оплачивать заочную учебу в технологическом университете. Она не собиралась обчищать легковые машины до конца своей жизни. Вероника выделялась среди своих сверстниц высоким ростом и крепким телосложением. За угловатую фигуру злые на язык подружки даже дали ей кличку – Мужчина. И в самом деле, глядя на нее, не сразу можно было сообразить, парень стоит или девушка: плоская грудь, широкие плечи, а где талия переходит в бедра, и не разберешься. Именно потому и отпустила Вероника шикарные длинные волосы, чтобы и со спины не путали ее с мужиком.

Вскрывать машины ее научил дружок-автомеханик, просто так, чтобы порисоваться перед девушкой. Однажды показал, как при помощи металлической линейки можно открыть дверцу. Вероника попробовала, ей не верилось, что делать это так легко. Получилось с первого раза, женские руки оказались куда чувствительнее мужских.

Через неделю Вероника самостоятельно вскрыла машину в своем же дворе. Улов оказался небольшим: десяток компакт-дисков с отечественной музыкой, которую девушка на дух не переносила, и припасенные на взятку ментам ГИБДД две десятидолларовые купюры в «бардачке». Однако, увидев на завтра во дворе милиционера, снимавшего с соседской машины отпечатки пальцев, Вероника решила, что переберется промышлять куда-нибудь подальше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.